

Вероника Горбачева

Когда
возвращается
радуга
Книга 3

16+

Вероника Вячеславовна Горбачева

Когда возвращается радуга. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42235276

SelfPub; 2019

Аннотация

Ирис наивно полагала, что неделю-другую погостит в Лютеции и вернётся в новый дом. Но сама не заметила, как попала в самый центр политических интриг. Ах, маленькой рыжей фее нет до них дела, ей бы разобраться со своей жизнью! Ведь время неумолимо, и, чтобы не попасть под наказующий молот Хромца, нужно в отпущенный срок найти мужа-христианина. А чтобы не угодить на наковальню короля Генриха – безнаказанно избежать навязанного им брака. Вот и попала между молотом и наковальней. Есть ли третий путь? Сможет ли любовь и впрямь оказаться всепобеждающей? Маленькая рыжая фея верит в неё. И смело идёт вперёд, навстречу желанному счастью.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	20
Глава 2	61
Глава 3	106
Глава 4	146
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Пролог

– И что, прям-таки любого увидишь, кого захочешь?

– Да кто ж его знает? Брат Тук говорит – любого. Только надо настроиться на того, кого ищешь, связь с ним установить... эту... ментальную, во. Я пробовал, но пока не очень-то выходит. Брат Тук мне даже шар приносил, хрустальный такой, как у гадалок на ярмарке, с ним, говорит, начинающим самое то работать... И всё, вроде бы, понятно растолковал, а я сижу, как дурак, и ничегошеньки в нём не вижу. Видать, не умею пока настроиться.

Отроки вздохнули и задумались. Каждому было о чём помыслить.

– У меня ведь Дар-то открылся без году неделя, – виновато добавил Назар. – Случайно совсем. А *видение* – оно, говорят, на первых порах трудно даётся...

Лунный свет, льющийся через оконце, да скромная свеча в простом медном подсвечнике озаряли идиллическую картину их с Пьером беседы. Сторонний наблюдатель не поверил бы, что видит келью известной всем страшной Инквизиции, да ещё в том крыле, где, по слухам, размещались пыточные. Ни тебе истошных воплей, ни зубовных скрежетов, пусть и приглушённых стенами полуторавековой кладки, ни тресков костей, ни лязга железа... Тишина. Самое время для покойного сна, вдумчивой молитвы или неспешного разго-

вора, когда доверяешь новому знакомцу самое сокровенное, потому что всеми печёнками вдруг чувствуешь: *свой*. Поймёт.

Пьеру, бывшему лакею из дома графини де Камю, очень нужен был такой собеседник. Друг. Пусть младше его самого, но уже кое-что перенявший у святых братьев. Сам-то он давно и безуспешно пытался научиться *слышать* и *звать*, к чему, как утверждали здесь, у него врождённые способности; да только пока не получалось. И до чего обидно, что даже у этого малого из соседней кельи уже проявилось *видение*, а Пьер всё тупит. Должно быть, совсем бесталанный. Неумёха. Ошиблись в нём и брат Дитрих, и брат Тук...

Первый за всю неделю заглянул единый раз, поговорил, похмурился, благословил и... исчез.

Второй, объявившись, наконец, не соизволил даже побеседовать. Привёз нового ученика – чем, надо сказать, удивил здесь всех безмерно! – поселил по соседству, заглянул к Пьеру, да попросил, чтобы приглядывал за Назаром и показал ему тут всё, пока сам Тук отлучится дней на несколько. Благословил и тоже исчез. Одно хорошо – после их осенений святыми жестами в голове у Пьера здорово прояснялось. И не так слепило, как в прошлые разы. Видимо, привык.

Пришлось от нечего делать возиться с новичком. Хотя тот, похоже, и сам был не промах, и с местными сошёлся не в пример Пьеру – шустро, быстро. Но с ним стало веселее. А главное – узнав о способностях соседа, бывший лакей, по-

забытый-позаброшенный всеми, воспрянул духом. Заветная цель приблизилась ещё на шаг. Давно уже припасались сухари на дорогу, уложены в котомку склянка со святой водой и старенькое распятие со стены – надо думать, изрядно намоленное за десятки лет здешними жильцами-монахами, а потому и силы большой, первое оружие против нечисти. Оставалось дать дёру. Вот только куда? Где искать Мари? А с новым другом появился шанс – увидеть, где она. Хоть под сказку получить...

Со времён памятного разговора в трапезной ничего нового о своей невесте он так и не услышал. Молился, звал мысленно, как учили, из кожи лез вон, но всё без толку. Одно хоть немного, но успокаивало: за это время больше ни одной утопленницы из Сены не выловили. Впрочем, помимо большой и мутной реки, в Лютеции хватало мест, куда можно запрятать тело девушки. Но Пьер истово верил: Мари жива. Недаром однажды во сне он расслышал жалобный голосок: «Пьер, миленький, спаси! Загубит он меня!» И до того въяве, будто милая совсем рядом, за соседней стеной стонала да плакала. Но видение больше не повторялось. Парень готов был отчаяться, когда вдруг объявился этот Назар.

Который и историю его выслушал, и глазами похлопал сочувственно, и пообещал, что как только их общий наставник появится – замолвит о Пьере словечко, напомнит... Заодно и о себе нарасказывал, да столько чудного, что половине Пьер не поверил. Но вот зацепился за умение нового друга...

Дело шло к ночи, и, привыкший к келейному уединению, он уже малость отупел от дивных баек. Неизвестный Восток, скитание Назара по тюрьмам, его жизнь при учёном хозяине и чудесной хозяйке, побег в корабельной трюме, переодевание арапом... То-то у него физиономия слишком смуглая при таких голубых глазах и светлых, почти льняного цвета, волосах, уже пробившихся щетиной на обритой голове! Даже то, что крещён отрок оказался совсем недавно – удивило лишь слегка... Рассказу о проявившихся после крещения способностях Пьер внимал уже вполуха, таращась на пламя свечи и изо всех сил борясь с дремотой. Как вдруг его словно торкнуло.

– И что, прям-таки любого увидишь, кого захочешь?

Потом, после разъяснений, решился спросить напрямик:

– Вот мою Мари, например, *увидеть* сможешь? Или без зрительной трубы не получится?

Назар почесал в затылке.

– Да вишь ты... Тук потом разъяснил мне, что дело не в трубе. Нужна любая... – Наморщил лоб: – Отражающая поверхность, вот что. Дескать, я где-то там... – Снова запнулся. – ...в эфире ловлю образ, а потом проици... прое... переносу на то, в чём он станет видимым. Тогда, у Бенедикта, я этот телескоп не сам выбрал, меня к нему Дар потянул. Вроде как подсказал, что оттуда можно тётушку Мэг углядеть; а я тогда как раз о ней и думал.

Пьер схватил его за руку.

– Найди мне Мари! – попросил жарко. – Сил нет сидеть тут без дела, я уж изверился, что её отыщут. Сам хочу пойти, да только не знаю, куда. Может, хоть ты подскажешь?

От волнения, должно быть, он вцепился в Назара, как клещ. Отрок дёрнулся машинально – освободиться, ноглянул в измученные глаза, оттенённые недосыпом, и заёрзал.

– Это... Я же сказал: не получается у меня пока чужих видеть. А ну, как и сейчас не выйдет?

– Ты хоть попробуй! Попробуй, Назарий, а? Не выйдет – так тому и быть, значит не судьба. А вдруг?..

Назар готов был провалиться сквозь землю. Одно дело – работать с наставником, терпеливо поправляющим ошибки, и совсем иное – обмануть ожидания нового товарища. Но как тому отказать?

Затягивая с ответом, обвёл взглядом келью.

– Ты только руку-то отпусти, – сказал деликатно. – Отвлекаешь.

Эх, жизнь, сложная штука... Привык к житию под хозяйским крылышком, когда ни думать, ни решать не надо, но не век же барствовать? Ладно, если сейчас он опозорится – то просто дождётся потом брата Тука, разберёт с ним ошибки и поймёт, в конце концов, что и где делает не так. А пока надо оглядеться и поискать что-нибудь, похожее на «*отражающую поверхность*». Возможно, прежние попытки не удавались потому, что Дару не понравился сам хрустальный шар. Что, если попытать удачи с чем-то другим?

Стекло в келье оказалось единственное – в окошке под потолком. Добраться, конечно, невелик труд, но «работать», как говорит наставник, неудобно: пришлось бы всё время тянуться на цыпочках, а при этом ни расслабишься, как учили, ни настроишься на Пьера. Через него ведь надо поймать образ пропавшей девушки...

Ищем дальше.

Эх, если бы здесь, как в Константинополе, стены выкладывали гладкой плиткой, та годилась бы, а вот штукатурка не подойдёт. Кровать здесь простая, без полированного изголовья, как, допустим, у господ бывает... Столешница у стола – из тщательно оструганных досок, не занозистая, и то ладно, для местных нужд сойдёт, а о красоте здесь не заботятся. Кувшин на столе глиняный, без глазури, с пористыми боками, кружка такая же, миска с сушёными яблоками... У противоположной стены сундук. Стул. Вот и вся обстановка. Нет ничего отражающего. Даже ложки в трапезной, как припомнилось вдруг Назару – деревянные. А уж зеркал в Инквизиции не водилось. Суетность одна, да отвлечение, да грань, через которую соблазны или иные сущности проникнуть могут, невзначай либо по умыслу. Но как бы сейчас оно пригложилось, зеркало-то...

– Погоди-погоди...

Назар поморщился, пытаясь ухватить за хвост воспоминание.

У хозяйки, конечно, зеркала имелись, да ещё какие!

Эфенди для своей любимицы ничего не жалел, засыпая подарками, сама чернокожая султанша восхищалась её браслетами да ожерельями. А уж напяливала их на себя, как девчонка, даром, что жена Хромца, будто у неё своих цацек мало. И крутилась перед этими самыми зеркалами – и маленьким серебряным, отполированным, и настоящим венецианским, в позолоченной оправе с завитушками. А вот в их скромной хибарке – это когда он с родителями ещё жил – таким дорогушим вещам взяться было неоткуда. Зато они с братьями вдосталь любовались на собственные рожи в поверхности неглубокого дворового колодца. Звёзд, правда, средь бела дня не видали, а вот себя – очень даже хорошо, даже царапины и синяки разглядеть можно было.

Вот оно. Нашёл.

Он аккуратно пересыпал на стол сушёные яблоки из миски. Обмахнул ладонью со дна крошки – чтобы не всплыли потом, да не замутили отражения – и наполнил посуду водой из кувшина.

На миг даже неловко стало за свою, невесть откуда взявшуюся, уверенность. За своё ли дело он взялся? Но вздохнул – уже не сокрушённо, а по науке, как наставник учил: вытягивая Силу, призывая Дар...

– Какая она, твоя Мари? – спросил. – Ты рассказывай, только помедленней, не части. А то говоришь больно быстро, а я по-франкски ещё не все слова знаю.

Глаза Пьера загорелись.

– Маленькая, – произнёс с нежностью, – тонкая, как травинка...

Назар сочувственно приподнял брови домиком.

– На хлебе и воде, что ль, держали? Хозяйка злая?

– Не то слово. Лютая хозяйка. При гостях чистый ангел, а как в доме чужих нет – и по щекам налупцевать может, и есть велит не давать. Я, когда мог, таскал с кухни для Мари хлебушек. Да ведь не всегда передашь: госпожа часто её при себе оставляла на ночь. То ей окно отвори, то ставни закрой – луна мешает, то воды принеси. То велит свечи зажечь и работать, раз сама не спит. Почитай, вся прислуга радовалась, если к ней новый амант заявлялся...

Назар хотел переспросить про «аманта», побагровел – и не стал. Чересчур уж стыдной оказалась картинка, уловленная от Пьера вместе с новым словом. Ничего себе... мужняя жена, а что вытворяет!

– А волосы у неё чёрные, как смоль, и сами кудряшками вьются, – продолжал мечтательно Пьер. Его новый товарищ не сразу сообразил, что речь снова зашла о Мари. – Глаза карие, как спелые вишни, смешливые. Личико сердечком...

Назар поморгал.

– Это как?

– Вот как наколку горничную наденет, волосы под неё убежит – такой вот мысок надо лбом остаётся, – пояснил Пьер. Да показал, фигуристо очертив на собственном лбу линию роста волос. – Скулы широкие, а подбородок острый, как у

лисички. Вот и получается... сердечко.

– А-а-а...

– И смуглая, словно солнцем опалена. Сама над собой смеётся, говорит – папаша её неизвестный из мавров был, оттого она и такая. Только я мавров-то видел: у них губищи широкие и нос сплюснут, а у Мари носик аккуратный, губки только чуть пухлые...

Его гость чуть не крякнул по-взрослому от досады. Слышал он не раз, что, мол, от любви люди глупеют, да всё не мог поверить. А тут – вот, пожалуйста! Только что был парень как парень, и говорил нормально, а сейчас – «губки», «носик»...» «Сердечко»... Ишь, напридумывал! Нет, Назар не дурак, ни за что не влюби...

Сморгнув, он уставился на расцветшее в миске отражение.

Попробовал, как учил его Тук, смотреть не в упор, а как бы искоса, в стену, чтобы *объект наблюдения* прихватывался лишь боковым зрением.

И действительно увидел...

От неожиданности спёрло дыхание. Смешно взмахнув руками, он так и подпрыгнул на месте, случайно толкнул стол, и... Видение девичьего личика на поверхности воды зарябило и исчезло.

– Сердечком... – остоленело прошептал Назар.

– Ну да! – подтвердил новый знакомый, ещё не поняв причину его взбодороженности.

– Вот тут... – мальчишка ткнул пальцем в скулу. – ...родинка такая, с рисовое зёрнышко, да? И брови густые, почти в одну.

У него даже руки задрожали.

Получилось!

– Да погоди! – отстранился от Пьера, – погоди...

Зажмурился, поморгал. Вновь уставился в чашу с водой, с усердием, со страстным желанием увидеть снова... Ничего. Но в висках заломило, свет, и без того тусклый, вдруг стал меркнуть... Потом в пальцы ткнулось что-то твёрдое, на ощупь – дерево. И полегчало.

Распятые. Невеликое, с ладонь величиной – такое здесь вешали на стены. Но исходила от него настоящая Сила, намоленная святость, что сразу привела в чувство неопита, испытывавшего первое в жизни магическое истощение.

– Погодь, друг, – пробормотал. – Мне, кажись, того... Дух надо перевести. Сам не пойму, как это вышло, но... увидел!

Нашёл в себе силы вернуть кипарисовый крест и покачать головой.

– Прости. Быстро как-то всё случилось. Раз – и пропало... Только лицо заметил, а где она, что с ней – ничего не понятно.

Пьер разочарованно отстранился. Но тотчас в глазах мелькнула сумасшедшая радость

– Но ведь живая, да? Скажи, точно живая?

– Точно. – кивнул Назар. – Моргнула. Только и впрямь

худая. И серая прям какая-то: то ли темно вокруг, то ли сама бледная, не разглядел толком.

И застонав, схватился за голову. Снова накатило...

Пьер кинул на него тоскливый взгляд. Протянул распятые.
– Держи. Тебе ведь от него лучше? Ничего: что единый раз удалось, рано или поздно снова получится. Ты пока отдохни, брат, а потом, как силы вернутся, попробуешь ещё, да?

Назар помолчал, прислушиваясь к себе.

– Попробую. Я кое-что запомнил. Вдругорядь легче пойдёт.

* * *

Просторный, заставленный шкафами с книгами и диковинами, кабинет Председателя трибунала Инквизиции ничем не выдавал грозного титула своего хозяина, и более походил на обителище какого-нибудь учёного мужа на покое. Мягко, трепетно танцевали в камине языки пламени, бросая отблески на лица двоих, устроившихся напротив в удобных креслах; на отполированную солнцем и временем лозу, оплетающую массивную бутылку, на тёмное стекло; играли в бокалах, на треть наполненных душистым терпковатым вином, в бусинах чёток в руках гостя и на нагрудном кресте хозяина...

– Сама мысль свести *слышащего* и *видящего* не нова, брат, – продолжил свою мысль хозяин кабинета. – Но, насколько мне известно, полноценного обмена Дарами ещё не

наблюдалось. И всё же ты решился на очередной эксперимент?

Могучие плечи собеседника затряслись от добродушного смеха.

– Полно, брат, какой эксперимент? Желание подтолкнуть к развитию Дар одного и помочь другому, не более. А ежели при этом два юных таланта поделятся способностями – хвала Всевышнему и провидению, что сводит людей вместе, и в местах, столь странных, как это.

– Ежели... – скептически повторил Великий Инквизитор, потеряв щетинистый подбородок. – Но мне отчего-то слышится уверенность в твоём голосе, брат Тук. Словно ты отгораживаешься этим словом лишь из одного опасения сгладить.

– Полно, брат Дитрих, я не суеверен. Просто допускаю определённый процент неудач в каждом опыте.

– Но этот, нынешний опыт, ты заранее видишь успешным?

Брат Тук кивнул. С удовольствием пригубил старого эстрейского, растёр на языке, насладился букетом...

– Есть у меня, порой скорбного головой, кое-какие мыслишки по этому поводу. Иной раз излишнее усердие не идёт на пользу науке, брат мой. Хотя, возможно, это всего лишь мои досужие домыслы...

Отставил бокал.

– Но вот тебе факты: в предыдущих попытках обмена или

возможного дележа способностей приглашались весьма одарённые слышащие и видящие, так? Достигшие пика своих возможностей.

Дитрих глянул заинтересованно из-под седых кустистых бровей.

– Разумеется.

– А почему?

– Ты не хуже моего знаешь причину. Даже в самых успешных попытках удавалось перенести от одного к другому лишь часть чуждой магии, какую-то кроху. И потому де-факто считается, что чем больше целое, тем большую долю от него удастся передать.

Брат Тук наставительно приподнял палец.

– Вот оно. Вы брали лучших и развитых. А разве не учит нас Фома Аквинский, что Дар подобен дереву? Он проклёвывается медленно, неохотно, выбрасывая, подобно плющу или винограду, усики в поисках опоры... оттого-то мы видим лишь его первые проблески. А уж потом...

– Да-да, помню. Вырастает крепкое несокрушимое дерево. И что же?

– Иначе говоря – развиваясь, магический Дар набирает силу и мощь, но при этом теряет гибкость. Потянуться к чему-то, подобному себе, он уже не может, поскольку врос в опору, сиречь в хозяина-носителя. Вот я и решил: сведу-ка вместе двух таких... плющей, двух отроков. То, что один чуть старше, неважно; разумом он, как я убедился, так же

юн и чист, как и Назар. Подтолкну их, чтобы потрудились вместе. Один, как тебе известно, горит желанием разыскать невесту, другой, добрый и сострадательный, обязательно захочет ему помочь, я не сомневаюсь. К тому же, юноши весьма схожи по душевным качествам и неизбежно подружатся, а настоящая дружба творит чудеса, ты сам это помнишь, брат Дитрих.

Улыбка, озарившая лик сухопарого инквизитора, была мимолётна, но подтвердила: да, помнит.

– Уверен? – только и спросил он.

– А чем мы, собственно, рискуем? Их Дары едва проклюнулись, гибки и мобильны, и в тесном сотрудничестве неизбежно потянутся друг к другу. Не получится обмен – каждый из отроков останется при своём Даре. Получится – что ж, весьма вероятно, что у нас будет два уникальных мага, *слышевидящих*. А попутно, я надеюсь, они всё же приведут нас к убежищу Высшего.

– Думаешь, это он похитил Мари?

– В день её исчезновения он приходил к графине де Камю, после чего наши наблюдатели уловили отголоски вампирской магии в её доме. Но запаха жертвенной крови не почуяли: полагаю, девушка жива, он держит её под рукой, для какой-то цели... К сожалению, чтобы не вспугнуть его, придётся временно оставить отроков без прикрытия. Рано или поздно эти непоседы всё же сбегут на поиски. Думаю, что времени у нас не так уж много, но кое-каким навыкам

защиты я своего ученика успею обучить. А заодно снабдить парочкой сигнальных артефактов. У Назара сегодня случился первый хороший проблеск...

Брат Тук задумался.

– Два-три дня – и он, полагаю, сможет увидеть не только Мари, но и место, где она находится. Ещё столько же – и, возможно, услышит мысли, которые помогут определить точнее, где она. Но при ожидаемом соединении его Дара с Даром слышащего всё решится раньше.

Брат Дитрих откинулся на спинку кресла.

– Теперь я понял, отчего ты настоял на их полной изоляции.

– Совершенно верно. Надеюсь только на себя, думая, что они одни, без помощи старших, юноши задействуют все свои силы. Полагаю, с Божьей помощью их ждёт успех.

– Хм. – Сухие пальцы побарабанили по подлокотнику. – Вот только эта Мари... Дождётся ли помощи?

– Даст Бог, мы успеем. Раз уж она до сих пор жива – значит, нужна похитителю, и тот, поелику возможно, поддерживает её силы. Подозреваю, он ждёт, когда выдохнется благословение Бенедикта с её обручального кольца, не позволяющее напиться крови невинной девушки. В Лютеции, конечно, кроме неё, непорочных созданий много, но, благодаря Инквизиции и светским властям, они под защитой Святого Благословения: нежить и её служители к ним не подступят. Вот уж и впрямь, не было бы счастья, да несчастье помог-

ло... Храмы переполнены девицами, желающими получить охранное благословение, матерями с младенцами...

– Жить хочется всем, – лаконично отозвался отец Дитрих.

На какое-то время в кабинете воцарилось молчание, оживляемое лишь потрескиванием поленьев в очаге. Пока, наконец, старший собеседник не прервал его.

– Так ты говорил – наша гостья приняла крещение? Отрадно. Не оно ли помогло ей в схватке с летучим оборотнем?

– Отчасти и оно. Однако, брат Дитрих, видел бы ты её кинжал! Право, я не поверил своим глазам. Похоже, Ирис Рыжекудрая сама не подозревает, что за сокровище держит за голенищем. А вот её покойный муж, думается, прекрасно знал цену своему подарку, равно и тому, что тот защитит его супругу не только от людей. Мудрейший человек, светлая ему память.

– Светлая, – отозвался Дитрих.

Два кубка отсалютовали, воздавая уважение ушедшему в мир иной мудрецу.

...А в своей келье Пьер, задремавший было, вздрогнул и открыл глаза.

Потому что вновь услышал дорогой голосок.

«Пьер, миленький, спаси меня, пожалуйста! Я так его боюсь...»

Глава 1

В город, помнивший великие королевские династии – Меровингов, Каролингов, Капетингов, и нынешних Валуа; в город, сумевший объединить разрозненные крупные и мелкие провинции, грызущиеся меж собой, в единое крепкое государство; в город ремесленников и аристократов, богачей и нищих, в пышные особняки и кишачие крысами и отребьем кварталы, в просторные храмы, шпилями колоколен задевающими небо, в молельни протестантов и дома иудеев, в жилища верноподданных короля и иноземных гостей – входило утро. С майской свежестью, летней яркостью, одинаково щедро озаряя собой и дворцовые парки, и скромные фиалки на узких подоконниках, разгоняя скрипучие тележки уличных торговцев, лязгая ножами в цирюльнях, пробиваясь сквозь плотно опущенные шторы к сомкнутым лишь к рассвету векам барышень и матрон, приветствуя тружениц-прачек и хлопотливых кухарок... Утро.

Город просыпался.

Остров Сите, могучие холмы Монмартр, Сент-Женевьев и Монпарнас, казалось, выдыхали застоявшийся ночной воздух – и полной грудью втягивали рассветную свежесть. Улицы и улочки оживлялись, переговаривались, ругались, смеялись и пели на разные голоса.

Открывались лавки и булочные, спешили за покупками

хозяйюшки с верными служанками. Выкрикивали хвалы своим товарам мальчишки-зазывалы. Цокали копыта передавшего дежурство ночного дозора. Менялы на своём знаменитом мосту, застроенном лавками, открывали окошки в закутках. Звонили в храмах, призывая к молитве, и, перекрывая всех, гудели четыре колокола Нотр Дам; пятый, подающий голос лишь в особо торжественных или тревожных случаях, помалкивал – и это тоже радовало...

Но за стенами аббатства святой Гертруды Нивелльской царили тишь и умиротворение.

Толстые стены и тенистый старый сад глушили звуки извне, а потому – нежные колокольцы на местной звоннице пели радостно и весело, их некому было заглушать. Прикрыв глаза, опершись на настенный башенный зубец, Ирис наслаждалась покоем и умиротворением. Всё позади: тревоги, дорожные страсти, боязнь снова потерять нянюшку Мэг, волнение, едва не задушившее её перед королевским приёмом... Оказывается, даже в этом шумном и бестолковом городе можно быть счастливой.

По сравнению с Константинополем, где улицы широки, а дома знатных людей утопают в садах, здесь, среди засилья камня, казалось тесно. Конечно, и в городе Хромца вились, отдаляясь от центральных, богатых, кварталов, узкие улочки и переулки, толпились, наползая один на другой, хижины ремесленников и бедняков, и гвалт царил повсюду, особенно на рынках. Но таких высоких домов, в четыре-пять эта-

жей, каждый из которых нависал над предыдущим и закрывал солнце, там не строили. И не селились прямо на мостах. Не разводили грязь...

Ирис покачала головой, возражая самой себе. С Айлин-Луноликой ей не раз приходилось бывать в квартале гончаров, и то, что дорога к нему проходима лишь в сухую погоду – она хорошо запомнила. Наверное, бедные люди везде живут одинаково. Роскошь и чистота царят лишь с дворцами правителей и знати, а чем ближе к окраинам – тем больше необустроенности.

Поэтому утверждать, что Лютетия хуже Османской столицы – грешить против истины. Да, в чём-то хуже. Первое, что бросается в глаза – множество нищих и попрошаек, и не только у храмов. В Константинополе неимущим помогали общины и медресе; даже валиде, мать сиятельного султана, строила больницы и бани, выделяла средства для помощи беднякам и вдовам. В лохмотьях ходили разве что странствующие дервиши, а любой нуждающийся мог обратиться за помощью к имаму или кади. Здесь же – то ли обездоленные сбежались со всей Франкии, то ли благотворителей было слишком мало, или же они не справлялись...

Зато во всей стране женщины ходили с открытыми лицами. И никто не скручивал себе шеи, глядя им вслед, не отпускал язвительных словечек – да просто не обращал внимания. Они свободно заходили в лавки и на рынки, в храмы и на ярмарки, присутствовали на судебных заседаниях, путе-

шествовали, некоторые даже – страшно сказать! – играли в те-ат-ре, обнимая и целуя мужчин-актёров у всех на глазах, если это требовалось по роли. И даже в числе преподавателей Университета была женщина, читающая лекции по акушерскому делу. Вот что удивительно.

А вот с чистотой всё-таки здесь было хуже. И хвала Аллаху... и Всевышнему, конечно, который вовремя надоумил герцога Эстрейского перенять некоторые восточные обычаи, такие, как частое омовение, и даже провести в Эстре настоящий водопровод, по образцу римского. Его величество Генрих не смог пройти мимо подобного вызова, и тоже взялся за обустройство столицы. Говорят, лет десять тому назад по Лютеции свободно бродили коровы и свиньи, а во время дождя некоторые узкие проулки настолько утопали в грязи, что становились непроходимыми. А уж вонь-то стояла!

Конечно, здесь народу больше, чем в Эстре...

Но вот в чём Его величество успел раньше герцога – это в обустройстве целой системы ливневых стоков. Вроде бы мелочь, недостойная внимания монарха, как и упоминания на фоне его действительно великих свершений. Но после прокладки целой сети дренажных канав, да ещё прикрытых для безопасности решётками, город стал самоочищаться после каждого ливня. И оздоравливаться, надо думать.

Многое Ирис было известно ещё до приезда сюда, от эфенди. Но кое-что открывала на месте.

Например, никто из собеседников Аслан-бея, с чьих слов

он узнавал немало нового об иных странах, не упоминал о том, как одеваются франкские женщины. Естественно, для мужчин это не представляет интереса. А вот Ирис с удивлением отмечала разницу в пышных платьях знатных дам – и простых нарядах прислуги и низших сословий. В Османии все одевались однотипно: и бедняк, и султан носили кафтаны, только один – попроще, а другой – с богатой отделкой, за один драгоценный камушек с которой можно было купить порой всё имущество бедняка... Во Франкии, как и в Бриттании, на одежду был введён жёсткий регламент: каждому сословию разрешалось носить лишь определённые цвета и ткани, оговаривались число и виды украшений – дабы с первого взгляда отличить дворянина от купца, крестьянина от торговца, белую кость от чёрной.

Однако больше всего поразили её монашеские одеяния. Не мужские – ибо походная сутана брата Тука, подпоясанная вервием, хоть и была скромна, но удивления не вызывала. Но вот те, в которые облачались сёстры здешнего монастыря, так напоминали известные Ирис никабы! Подрясник – чёрное платье – наглухо закрывал тело до самого подбородка; ряса, накинутая поверх, затем мантия наподобие чаршафа или хиджаба – всё это надёжно скрывало женщину от нескромных взоров, отгораживало от мира. Лицо, хоть и открытое, можно было при необходимости спрятать под низким капюшоном.

Но, разумеется, никто из монахинь не сурьмил глаза и

брови, не оттенял чудесные родинки и не пользовался краской для губ. И, конечно, не носил прекрасных налобных украшений, брошей, ожерелий и звонких браслетов. Здесь это считалось постыдным и нескромным, допустимым лишь в миру.

И воистину странно именовали себя эти женщины и девушки – «Христовы невесты»... Странно, но достойно уважения.

А ещё – они проводили время не только в постах, молитвах и ночных бдениях, но и в служении людям. При монастыре действовала больница для бедных, куда порой не стеснялись заглянуть и обеспеченные люди – не экономии ради, ибо, на самом-то деле, хорошие докторусы брали за лечение весьма дорого; но довольно часто привозили старых больных слуг, которым хотели обеспечить хороший уход и достойную старость. Тут было целое крыло для одиноких и беспомощных, разбитых немощами и параличом; сёстры-гертрудианки заботливо ухаживали за ними, подавая пример бескорыстной и чистой любви, терпения, милосердия и кротости.

Некоторые из монахинь умели даже оперировать, и не удивительно, что иногда их обитель посещал сам Амбруаз Парре, первый скальпель Франкии, не только помогающий сёстрам, но и порой спрашивающий совета или консультации.

Именно сюда брат Тук посоветовал привезти няню Мэг.

Ведь останься Ирис с ней в Эстре – и отказ от официального визита ко двору грозил обернуться крупнейшим политическим и дипломатическим скандалом. Так пусть названная ма-тушка поедет вместе с приёмной дочерью, посоветовал мона-хах. Будет жить совсем рядом, видаться каждый день, знать, что родное дитя в безопасности... а заодно и пребывать под неусыпной заботой лучших в стране целительниц.

Тем более что на сей раз гостя намного сократит путь и избежит дорожной тряски, отправившись через Старый пор-тал.

Вспоминая об этом, Ирис невольно покачала головой.

Сколько событий случилось с ней в последнее время!

Конечно, хорошо, когда каждый день приносит что-то но-вое. Но девушка, устав от впечатлений, уже соскучилась по спокойной размеренной жизни, в которой одно утро похо-же на предыдущее, а дни пролетают легко, словно бабочки. Скорей бы вернуться в Эстре!

Вот передаст последние дары Сорбонне...

Встретится с Джафаром и... увы, объяснится...

Посмотрит вместе с сёстрами-целительницами, что мож-но сделать с ослепшими глазами некоей Наннет, как и обе-щала Филиппу де Камилле...

...и домой.

В свой последний приезд она даже избегала выглядывать из окон, чтобы не видеть почерневшего пустыря, оставше-гося вместо сада. Ещё до её прибытия работники, прислан-

ные герцогом, спилили и сожгли мёртвые остовы деревьев и высохшего кустарника, и неизвестно, что смотрелось хуже – древесные скелеты или полное запустение вокруг дома. Рабочие собирались и пни повыкорчёвывать, но Ирис, приехав, вовремя вмешалась и не позволила. Корни уходят на много футов под землю, и, кто знает, возможно, не пострадали так сильно, как надземная часть. Восстановить всегда легче, чем сажать заново. Она попробует поработать с тем, что осталось, но немного позже. Сейчас главное – здоровье Мэг.

...Девушка погладила прохладную, ещё не успевшую нагреться от первых солнечных лучей, кладку стенного зубца. Почувствовав чей-то взгляд, скосила глаза вниз.

Напротив, через дорогу, в тени, отбрасываемой больничным корпусом, замерла фигура в нелепом балахоне, бывшем, по всей вероятности, когда-то белым. Лицо человека скрывалось под капюшоном, но даже отсюда можно было заметить, что руки, сложенные на дорожном посохе, истончены и сухи, как у старика.

Угрозы от него не исходило, лишь жадное, какое-то болезненное любопытство.

Страждущий или паломник, определила для себя Ирис, но на всякий случай заступила за широкий зубец, заслонивший её полностью. Хорошо, что она одета, как послушница, и не привлекает ничьего внимания яркой шевелюрой, но всё же женщина на монастырской стене – это не слишком скром-

ное зрелище. А отказывать себе в привычных утренних прогулках не хочется. Она просто постоит здесь ещё немного, скрывшись от чужих глаз.

Опустила веки, подставляя лицо рассветному солнцу, и ушла в воспоминания. Так быстро, так стремительно неслись события последних дней! Самое время – вспомнить, упорядочить, и определиться, какие отложить в копилку памяти, а с чем как-то жить дальше...

* * *

...Там, в гостинице Питивье, ещё только уловив на щеке первый розовый отблеск, она вскинулась ото сна, страшно перепугавшись, что проспала и упустила драгоценное время. Но только зря волновалась. Фрида уже раскладывала на лавке мужские рубашу и штаны, жилет, какой-то короткий кафтанчик, называемый здесь курткой, даже добыла откуда-то шляпу с широкой тульей. Судя по покрасневшим глазам, горничная или не спала, или вскочила куда раньше госпожи. На подоконнике, выдавая характер её ночных развлечений, вперемешку с ножницами и обрезками полотна валялись несколько катушек ниток, подушечка-сердечко со швейными иглами, клубок тесёмки, разномастные пуговицы...

...Глядя на суету невыспавшейся горничной, на тени, залёгшие под глазами Филиппа де Камилле и крёстного Модии...

льяни, Ирис с благодарностью думала, что ради её спокойно-го отдыха эти люди провели бессонную ночь, а ведь им ещё предстоял такой нелёгкий день! Ведь впереди поджидала не неспешная ознакомительная прогулка, а быстрая напряжённая езда. Сколько же им придётся отмахать лье? И выдержит ли она столько времени в седле?

Объяснение, что поедут они не назад, а, напротив, вперёд, как и собирались, в Лютецию – Ирис поначалу встретила с негодованием. Но, взглянув на карту, предложенную Филиппом, и услышав о Старом Портале, неожиданно успокоилась. Одно встревожило: а как же её люди? Маршал сразу обозначил основную идею: передвигаться небольшой группой, как можно быстрее, и не привлекая внимания. Но при всём желании чернокожего великана Али невозможно сделать незаметным. Это вам не из мальчишки сотворить арапчонка!

Оказалось, и тут всё продумали.

Помимо нежелания тащить за собой лишних спутников, замедляющих движение, маршал справедливо опасался, что охота за восточной гостьей со стороны неизвестного врага ещё не окончена. А потому предложил не только оставить в Питивье Али, Фриду и Марка, который уж точно не протрусил бы до Эстре и за год, хоть на муле, хоть на ишаке; но и разыграть с помощью слуг целый спектакль под названием «Больная госпожа». Фрида в платье Ирис изобразит из себя переутомившуюся от дорожных страхов османку, время от времени жалобно стеная, не выходя из комнаты и требуя

оставить её в покое. Али, как обычно, будет стоять на посту у порога, и делать вид, что исполняет малейшую блажь хворой госпожи. Марк, якобы скрученный очередным прострелом, просто-напросто станет отлёживаться, дожидаясь хозяина, который якобы непременно вернётся за ним, получив нагоняй от короля. Старый обиженный слуга всем и каждому начнёт вещать о несправедливости судьбы и о том, какие они квёлые, эти благородные дамы, и как из-за малейшего чиха или мигрени подводят важных господ под королевскую немилость, ибо вряд ли гостя теперь успеет на празднование в столицу... А Филипп уже в Лютеции добавит масла в огонь, проговорившись как бы невзначай в обществе, что его подопечная, увы, задерживается в пути.

А через несколько дней под покровом ночи слуги незаметно покинут гостиницу...

Неискушённой в интригах и политических играх девушке всё это показалось чересчур сложным; но своему крёстному отцу она доверяла. Молочный брат герцога Эстрейского, его правая рука, благороднейший человек, по определению не мог предложить ей ничего плохого. И в который раз она возблагодарила судьбу за прекрасных людей, встретившихся на её жизненном пути.

Ей, привычной к восточным шароварам, не составило труда обжиться в мужском костюме, к тому же, за ночь усердно подогнанном искусной Фридой под фигурку хозяйки. Куда сложнее оказалось уговорить Али остаться. Подействова-

ло лишь вмешательство того же маршала, пояснившего сурово, что своим присутствием нубиец рано или поздно выдаст госпожу возможным врагам с головой, что говорится; а вот, оставшись, напротив, поможет отвести от неё возможное новое покушение. «Трудно, но как солдат солдата я тебя понимаю», неожиданно сказал при этом Винсент Модильяни. «Самое тяжкое в бою – отсиживаться в резерве. Но кому-то надо это делать, чтобы в нужный момент влиться в бой со свежими силами. Терпи, Али. Это приказ». И, несмотря на то, что нубиец яростно сверкнул белками, показывая, что принимает распоряжения лишь от госпожи Ирис, он... смолчал. И остался.

Хоть долго ещё та чувствовала затылком обиженный и возмущённый взгляд телохранителя...

Лошадка ей досталась смирная и покладистая, всадницу чувствовала прекрасно, а потому они быстро приноровились друг к другу. Уже на ходу, в пути, пользуясь тем, что в поле, через которое пролегала дорога, на многие туазы вокруг невозможно было спрятаться ни соглядатаю, ни шпиону, маршал Винсент объявил о правилах поведения в пути. Правилах «игры», как он выразился.

На людях – никаких особо дружеских или иных проявлений того, что они давно знакомы. Их группа – случайные попутчики, объединившиеся по пути в Лютецию ради собственной безопасности, да и чтобы скрасить дорожную скуку. На возможных остановках в придорожных трактирах

каждый заказывает своё, чтобы не выделять старшего, ибо они, ещё раз напоминает, каждый сам по себе: странствующий монах, дворянин-одиночка, дворянин с пажом. Пажу вести себя тихо и скромно, первым не заговаривать, если надо – отвести в конюшню лошадей, свою и хозяйскую. Перед тем, как подсесть к ним за стол, дожидаться разрешения. Лишний раз рта не открывать! Ибо слишком уж нежный для юноши голос может выдать...

Это было настолько интересно и захватывающе, что на какое-то время тревога об оставленной в Эстре матушке Мэг приутихла. Да и благостный ночной сон, отдать ему должное, притупил страхи, отодвинув на задворки сознания. Обычно волнение усугубляется невозможностью что-либо сделать; а они уже в пути, и с каждой минутой всё ближе к Мэг. Хотя, если судить по расстоянию на карте, вроде бы отдаляются... Чудо-портал, спасительный переход между городами, поставленный когда-то Древними, выручит их, перенеся в Эстре за считанные мгновенья. Главное – до него добраться.

До полудня они сделали две небольших остановки – размять ноги, дать небольшую передышку лошадям, а заодно по необходимости наведаться за придорожные кусты, выплачивая невольную дань природе, что уж тут поделать... Но когда солнце встало в зените, сияя и слепя, маршал Винсент на правах старшего объявил привал. Они как раз въехали в небольшую рощицу неподалёку от Фонтенбло, до Лютеции оставалось несколько часов рыси, и, несмотря на возраста-

ющее нетерпение Ирис, Модильяни довольно твёрдо осадил её.

– В первую очередь отдых нужен животным, дорогая крестница. Хорошо, если до конца пути нам не встретятся неожиданности вроде засады; я рассчитываю, что мы успеем проскочить в Портал до того, как нас, возможно, случайно опознают. Предпочитаю переоценить противника, чем недооценить. И если нас будут поджидать – лучше, чтобы при этом наши кони не были загнаны. У вас час, господа, – обернулся к остальным. – Полноценный час всем на отдых.

Как ни рвалась Ирис вперёд – благоразумие взяло верх.

Да к тому же, мужчины, явно не думающие в дороге об удобствах и чистоте, не догадались бы, что большую салфетку, прикрывающую корзину, собранную в дорогу заботливым Марком, можно использовать, как скатерть, постелив на траву, и, уж тем более, что несложным нащёптыванием можно отогнать мурашей и прочих насекомых от заманчивого куска холста с разложенными на нём вкусным хлебом, сыром и варёными яйцами. Брат Тук одобрительно хмыкнул, глядя на хлопоты «пажа», лёгким мановением руки привлёк небольшое облачко, что послушно затенило рожицу, и отошёл к лошадям, ослабить подпруги, дабы и животные перекусили.

Как человек военный, верный своему слову, да ещё и привыкший не упускать ни малейшей возможности для сна впрок, Модильяни, наскоро подкрепившись, спокойно рас-

тянулся в тени ближайшей молодой ракиты и уснул, прикрыв лицо шляпой. Неподалёку прикорнулся Филипп. Заметив, как тот устало прикрыл глаза, Ирис почувствовала угрызения совести. Эти мужчины не спали всю ночь, обеспечивая её безопасность...

– Отдохни и ты, дочь моя.

Брат Тук легко вогнал в землю посох, и от того разлетелись во все стороны почти невидимые глазу брызги.

– Он покараулит и известит о возможном приближении чужаков. Брат Винсент знает мои методы, потому и не назначил караульного... Если тебе беспокойно – пройдишь, да помолишься, усмири мысли. А я пока прочту дневное правило, всем нам в помощь.

Ирис не совсем поняла про «дневное правило», но благодарно кивнула. Это мужчины привыкли проводить, порой, сутки в седле, а у неё сейчас ныли и спина, и ноги... Если прилечь по примеру остальных – подниматься потом будет ох как трудно. Лучше размяться.

Она наполовину пересекла жиденькую рощицу, напилась из ключа, бывшего неподалёку, послушала птиц... и пошла на нечто жёлтое, видневшееся впереди в просветах деревьев. Что-то яркое, обеспокоившее, вдруг разбередившее в душе старые страшные воспоминания.

Вышла на цветущий луг и...

... вскрикнув, опрометью бросилась назад.

Не замечая, как задевают по лицу редкие ветви, чудом не

натыкаясь на стволы деревьев, добежала до ручейка, и, не в силах более сдерживаться, опустилась на землю и горько заплакала. Перед глазами стояли яркие одуванчики, глазастые, пушистые, оставляющие следы от пылицы на носу, щеках, пальцах; они выглядывали из луговой травы и улыбались ей, как в тот страшный день, когда...

Брат Тук, невесть откуда взявшийся, сидел рядом, гладил её по голове и тихо спрашивал:

– Ну, что, что тебя так напугало, дитя?

– Од-д-у... – шептала она, – о-о-дуван...

И никак не могла одолеть это трудное слово. Потому что горло вновь затянула позабытая, казалось бы, петля страха.

– А ну-ка, тише, – неожиданно сказал монах. Твёрдыми пальцами ухватил за подбородок, заставил на себя взглянуть. – Ну-ка, в глаза смотри, девочка!

Слёзы на щеках Ирис высохли сами собой. От взгляда Тука исходили спокойствие, уверенность и... защита.

– А это что такое? – Озабоченно хмурясь, он коснулся её шеи, кончиками пальцев провёл по ключицам, проглядывающим из ворота рубахи. В другое время этот жест возмутил бы девушку, но от пальцев монаха шло ощутимое покалывание, как от... рук эфенди, когда он учил свою джаным диагностировать.

– А ведь здесь всё было чисто, уже давно, – пробормотал брат Тук. – Не волнуйся, дитя, и ничего не бойся. Кто-то издалека пытается прощупать и возродить твои страхи, но

мы ему не позволим, не позволим...

Давящая петля на горле разжалась под его взглядом.

– Одуванчики, – наконец, смогла выговорить Ирис. Слава Аллаху и Всевышнему! Она уж думала – быть ей опять заикой... В смятении чувств она и не заметила, что перешла на османский.

– Кара-хиндиба, – повторил за ней монах задумчиво. И свободно продолжил на том же наречии: – Чем же простые безобидные цветочки могли тебя так напугать? Или их образ тянет за собой другие воспоминания, страшные? Расскажи, дочь моя, не таи, дабы мы вырвали этот страх с корнем сразу, и никто больше не смог бы тебя им связать. Не из праздного любопытства, но твоей безопасности ради прошу.

Перед глазами Ирис стоял залитый безжалостно ярким солнцем гаремный двор, заполонённый воинами Хромца и продажными янычарами, в ушах отзывался вопль Айше, только что потерявшей детей... Лязгало вынимаемое из ножен железо, и вот-вот голова султанши должна была свалиться с плеч, а она сама – медленно осесть и завалиться, орошая фонтанирующей кровью тельца своих сыновей, дочери... и племянницы, задушенной вместо Ирис.¹

Она закрыла лицо ладонями.

– Её приняли за меня. Баязедовых отродий нельзя было оставлять в живых. А я вот... живу до сих пор. Почему Хромец меня не убил, когда узнал, кто я? Он ведь мог даже сам,

¹ Об этих событиях рассказывается в Прологе к Первой книге «Радуги»

сам...

Расправился же он с предательницей Гюнез...

— Темна вода в облацех, и скрыты от простых смертных мысли властителей, — ответил монах. — Но мудрый рано или поздно сможет заглянуть в чужой разум и понять его пути. Поведай же мне всё, что можешь, дитя, и мы попробуем разгадать эту загадку вместе.

* * *

...Чем-то этот старик в посеревшем от времени балахоне не понравился Ирис. Настолько, что она отвлеклась от воспоминаний и пригляделась к нему внимательней. Нечто знакомое привиделось ей в нервном, будто птичьём, движении головы, в судорожных подёргиваниях пальцев на наверхии походного посоха... Будто не так давно встречала, мельком...

Что он здесь высматривает?

Или кого?

Девушка постаралась унять неясные подозрения. Возможно, это вовсе не шпион, и не неизвестный враг, подсылающий похитителей, и не... О'Ши. Она похолодела. Нет, конечно; не стоит возводить напраслину на невинного человека. Может, он и знать не знает о рыжей фее, а пришёл сюда, чтобы попросить сестёр о помощи или проведать кого-то. Час ещё ранний, все на молитве, обратиться за расспросами не к

кому, вот он и высматривает хоть кого-нибудь...

Но всё же она сошла с монастырской стены, стараясь не привлекать внимания, и снова порадовалась тому, что, поддавшись на уговоры аббатисы, носила здесь одеяние послушницы.

Поскольку пора утренних молитвенных правил наступила, на широкой галере внутреннего двора, заливаемой солнцем, Ирис никого не встретила. Свернула в гостевое крыло, прошла по тёмному после яркого двора коридору в свою комнатку-келью, потянулась за чётками и молитвенником, приготовленным у молеального столика с распятием... Виновато улыбнулась. Никак не получалось изгнать мирские мысли и сосредоточиться на духовном. А надо бы. Эфенди приучил её дорожить тихими утренними часами, словно самым небом дарованными для приведения мыслей в порядок, светлого настроения на труды грядущего дня...

Тысячу раз оказался прав брат Тук, посоветовавший этот монастырь в качестве пристанища. Разумеется, он не знал об их размолвке с Филиппом, но ведь словно учуял, разгадал причину возмущения гостыи! Предложив договориться с сёстрами-гертрудиянками о лечении Мэг, а заодно и о постое её госпожи в аббатстве, он тем самым решил весьма щекотливую проблему, вбившую клин между графом де Камилле и подопечной. Останавливаться в доме неженатого мужчины из-за тени, могущей упасть на её доброе имя, Ирис не желала, поселиться же в гостинице – выказать пренебрежение го-

степриимству графа. Хвала миротворцу Туку, всё разрешилось наилучшим образом!

Здесь нашлось место даже для Али и Фриды. Нубиец поселился при госпитале. В прошлом превосходный мастер массажа, он взялся обучать этой премудрости наиболее способных из сестёр-целительниц. Конечно, когда его госпожа появлялась на осмотре больных, он не отступал от неё не на шаг; а вот за монастырские стены вход ему, как мужчине, был запрещён, несмотря на то, что Ирис не спешила развеять миф о его положении евнуха. Хоть и было неловко перед сёстрами-монахинями... Тем не менее, аббатиса Констанция на робкий вопрос, можно ли телохранителю жить в келье рядом и нести службу у хозяйского порога, как велит долг охранника, тонко улыбнулась и ответила отказом. «Дочь моя, да ведь он, несмотря на свой невольничий недостаток, слишком мужественен. Впрочем, не подумай дурного: в *его* выдержке и добронравии я не сомневаюсь, за своих сестёр во Христе также могу поручиться. Но у нас здесь несколько послушниц и воспитанниц, совсем молоденьких: не стоит искушать юные сердца. А соблазн для них будет велик, ох, велик...» И лукаво сверкнула глазами.

Троюродная сестра Генриха Валуа, в прошлом графиня Ангулемская, удалившаяся от света, она хорошо знала приёмы Врага рода человеческого, как и многие его обличья, и, подобно опытному полководцу, ищущему не славы, но победы, берегла вверенные ей войска и не жалела сил и вре-

мени на укрепление кордонов. Противника-искусителя лучше вовсе не подпускать, чем потом выискивать и отлавливать в собственном лагере... Надо сказать, здесь Ирис вздохнула с облегчением. В самом аббатстве ей ничего не грозило, ибо святейшими духовными лицами из Синода и Инквизиции монастырь был обнесён крепким магическим барьером, защищающим и от нечисти, и от людей с возможными нечистыми помыслами; негодовал только Али, по чьей просьбе она и пыталась хлопотать. Но после того как барьер отбросил и его самого, и запущенную в сад верёвку, и металлические отравленные иглы – охранник успокоился.

Бойкая же Фрида поначалу оказалась ни при делах, поскольку страдала слишком уж непоседливым характером и то и дело смущала сестёр расспросами, отвлекая от послушаний, а для работы в госпитале не годилась. Она панически боялась крови, язв, пролежней – просто хлопалась в обморок, как чувствительная барышня, хоть с виду была девушкой крепкой. Надо отдать должное сёстрам-целительницам: они и не думали поднимать «неженку» на смех, ведь бывают такие тонкие от природы натуры, что при виде телесных повреждений чувствуют дурноту. Так, одна из здешних врачевательниц, в самом начале своей практики полгода потратила, чтобы преодолеть страх перед мёртвыми телами, а уж резать их для изучения внутреннего строения было для неё пыткой. Лишь с Божьей помощью да с поддержкой сестёр, да отпаивая себя отварами, сдерживающими рвотные позывы,

вы, кое-как справилась с бунтующей натурой... Это к ней, к сестре Марии, навещался иногда Амбруаз Парре, прославленный дядя «доктора Поля». И в скором времени он должен был приехать, чтобы встретиться с Ирис – вернее сказать, с теми фолиантами и инструментами, которые покойный эфенди заготовил для передачи лично ему, «первому скальпелю» Франкии.

А Фрида обрела себя, наконец, на монастырской кухне, радуя обитателей аббатства превосходными десертами и супами, состряпанными по рецептам матушки Денизы, владычицы кухонь Гайярда.

...После приёма в Лувре прошли три дня, настолько наполненные событиями, что показались Ирис бесконечными. Она знакомилась с сёстрами-монахинями, ходила на службы, делилась знаниями с целительницами, ухаживала за больными, помогала садовницам. И даже после дневных молитв уделяла час-полтора вышивке Пелены со сценой Благовещения. Контуры рисунка прописал сам Джоджи, прославившийся не только фресками и картинами, но и рисунками для вышивок на духовные темы. Благословлялись на тонкую работу с иглой и шелками лишь самые искусные и благочестивые мастерицы. Должно быть, поэтому гобелен получался красоты необыкновенной. А лик ангела, возвещавшего Марии благую весть, удивительнейшим образом напоминал прекрасную Марту Эстрейскую, которой, как многие поговаривали, от бабушки, прославленной Жанны-девы, до-

сталась ангельская кровь. Оттого-то, наверное, так и тянулись к ней люди, становясь чище и добрее...

Ирис вздохнула. Откинула несколько жемчужин на чётках. Нет, молитва на ум не шла...

Жемчуг ей посоветовал носить брат Тук. Причём, носить как можно чаще, в любом обрамлении, и не снимая. Этот прекрасный дар моря не только олицетворял невинность и чистоту, но и обладал удивительным свойством – мог подавлять чужое ментальное и гипнотическое воздействие. Если бы там, возле рощицы по дороге в Фонтенбло, на ней не оказалось нитки розового жемчуга на шее – страх, оживший по чьей-то злой воле, мог повредить ей куда больше, чем просто вызвав рыдания и едва не вернув косноязычие. Она могла заметаться, убежать, обезуметь, наконец, и самой прибежать к тому, кто её ищет.

Но обошлось.

А ниточка воздействия тянулась, оказывается, от самой Лютеции. И была такой силы, что Тук с уверенностью сказал: *их* слухачи наверняка её засекли. Только, не знаячи, от кого та тянется, вряд ли сделали какой-то определённый вывод... Ничего, как только он проводит Ирис до Эстре – всё выяснит.

И выяснил.

К восточной гостье пытались дотянуться из Лувра.

Поэтому ко двору её собирали, как на войну.

Хорошо, что дорожные сундуки прибыли в аббатство за

день до визита. Главную ценность представляли не платья, заготовленные для высочайшего приёма, а подобранные к ним драгоценности, состав и назначение которых были оговорены самим эфенди в памятке, оставленной в Эстрейском банковском хранилище. Мудрый старец, возможно, и не думал, что его любимица встретится с самим королём Франции; но вот появление среди сборищ, где, помимо друзей, могут оказаться и недруги, и завистники, предусмотрел. Изумруды в налобных украшениях сдерживали поток враждебных эмоций, направленных к ней; письмена на золотых браслетах, сокрытые в орнаментах, призваны были разрушать возможные проклятья; жемчужные серьги защищали от ментального давления, а кулон на груди препятствовал любой попытке оттянуть хоть толику фейской магии. Ибо на любом светском приёме могли оказаться нечистоплотные либо просто слишком любопытные маги, вздумавшие поживиться чужой Силой.

Весь этот набор драгоценностей, заставивший бы придворных ювелиров и дам позеленеть от зависти, был вдумчиво изучен братом Туком. И одобрен с удовольствием.

А кое-что святой отец добавил от себя, прочитав какую-то особую молитву над нательным крестиком Ирис, полученным во время крещения.

– Ты теперь под защитой не только монсеньора Бенедикта, дочь моя, но и Святой Инквизиции. Никто не посмеет обвинять тебя в запретном ведовстве или магии. Но всё же...

если захочешь всерьёз поработать над своими силами – согласуй это с нами. Прошу не от недоверия, а дабы оградить от непредвиденных последствий: твои возможности растут, нужно время, чтобы к ним приспособиться. Жаль, некого приставить тебе в наставники: фей во Франкии не осталось, во всяком случае – известных...

Оттого-то она и не решалась пробовать себя в чём-то новом, занимаясь пока тем, что хорошо умела: целительством и садоводством.

Раскрыв молитвенник на закладке, Ирис машинально отщёлкнула ещё одну жемчужинку на чётках... и вдруг почувствовала, что обычно прохладный перламутр под её пальцами внезапно потеплел, будто ожил. Как тогда, в Лувре, стоило ей подойти к свите королевы Бесс. Но в тот момент она не сразу поняла, отчего так нагрелись серьги: казалось, мочки ушей так и горят! Она лишь вежливо поклонилась трём вельможам и двум знатным дамам – кажется, фрейлинам, сказала что-то, по-восточному витиевато-вежливое, отвечающее этикету, и удалилась, благодаренье всем богам, поскольку беседовать не собиралась: это была лишь церемония официального представления королевской гостьи, ненаследной принцессы, как её теперь называли, европейским посольствам. И ни с кем, кроме бриттов, ей не было так тяжело и неудобно.

А потом, уже в монастыре, распуская её косы, Фрида случайно задела за одну из серёг – и та вдруг зашуршала, осы-

паясь перламутровой крошкой, оставляя голый скелет золотых жгутов. То же случилось и со второй.

Вспомнив о гибели украшений, Ирис рассердилась.

Не драгоценностей жалко! Вернее, как истиной дочери Евы, любившей всё красивое, ей до слёз было обидно, когда на глазах разрушилось дивное творение, созданное мастерами-ювелирами и самой природой. Но ещё горше, что погиб подарок эфенди, заботливо приготовленный когда-то для неё... На корабле, высыпая в бушующее море жертву Пойразу, девушка не колебалась: да, толика жалости заползла тогда в её сердце, но сапфиры и алмазы, золото и серебро пошли в уплату за спасённые жизни, да и сам Аслан-бей, узнав о её поступке, одобрил бы его. Но серьги – его подарок, его память... попали под удар чей-то злой силы.

Вот и теперь – некто со стороны нагло пытается на неё воздействовать. Да сколько можно! Что им от неё нужно?

Какая уж тут молитва!

Ирис даже скрипнула зубами от негодования. Сжала в кулачке горячие чётки. И решительно устремила прочь, обратно по коридору, по галерее, навстречу колокольному звону и утру, к монастырским воротам... Конечно, она рисковала. Но... защитный барьер был рядом, верный Али – наверняка тоже, он знал о её привычке вставать рано. Да и не станет она всю оставшуюся жизнь отсиживать за спинами мужчин и в каретах. Есть вещи, которые приходится делать самой.

Например, объясняться с врагами. Увидеть их, наконец, понять, чем они опасны.

Разведка, как сказал бы Винсент Модильяни? Да, разведка.

– Доброго дня, сестра Агата! – сдержанно поздоровалась она с сонной привратницей. – Откройте, не сочтите за труд, мне нужно...

– Ох, в такую рань – и уже к болящим! – не дослушав, пробормотала пожилая монахиня, выкарабкиваясь из своего привратного домика, как черепашка из панциря, и гремя ключами. – Что, или тяжёлый попался? Надумала с утра проверить? Иди, иди, детка. Да не к воротам – пойдём, я тебе малую калитку открою...

...Старик в балахоне торчал всё там же, под окнами госпиталя, напряжённо всматриваясь в оконца-бойницы монастырской стены напротив. Это от него исходила волна поиска, ментального прощупывания, Ирис почувствовала это сразу, помимо того, что чётки во вспотевшей от волнения ладони стали чуть ли не раскалёнными. И тогда она, можно сказать, с размаху опустила вокруг себя ментальный щит, как учил её когда-то эфенди. Не просто щит – кокон, защищающий со всех сторон. Броню.

Правда, потом за этакую изоляцию придётся расплачиваться сутками магического бессилия – ибо тот, кто отсекает себя от ментального прощупывания и воровства, заодно блокирует и собственные каналы. Потому и используется

эта техника нечасто. Зато всё твоё останется при тебе. А вот охотнику за дармовщиной придётся несладко.

Взгляд старика скользнул по её скромно одетой фигурке рассеяно, не замечая... тогда, поколебавшись, Ирис стянула капюшон послушницы, а за ним и платок. Огненно-рыжие кудри, не сдерживаемые более плотной тканью, вспыхнули костром и осели на плечах, спине... Старик встрепенулся – и ринулся к ней. Но тотчас остановился, не пробежав и пяти шагов, словно от тычка в грудь. Это фея вскинула руку, преграждая к себе доступ.

По ответному дрожанию ауры, распознавшей родственную магию природника, она окончательно убедилась, кто перед ней.

– Бран О’Ши, – сказала резко. – Даже не приближайся.

– Ты! Это всё-таки ты! И ты здесь...

Она ожидала гнева, возмущения; но вместо этого старик расплылся в блаженной улыбке.

– Я нашёл тебя!

– Уходи. Я не желаю тебя видеть.

Казалось, он не слышал ни слов, ни холодного тона, лишь упорно пытался шагнуть к ней – и всё не мог понять, что же ему мешает.

– Почему я не могу...

Казалось, его озарила внезапная догадка.

– Это – ты?

На лице его разлилось обиженно недоумение, как у ребён-

ка, которого незаслуженно наказали.

– Ты – меня не подпускаешь? Меня? Единственного, кто у тебя остался из кровников? Дитя, так ведь у тебя больше нет никого родного на белом свете! Постой, а откуда ты знаешь, кто я? Кто тебе сказал?

– Стой, где стоишь, Бран О’Ши, и не трать силы, – сурово ответила Ирис. – Мне безразлично, кто ты и зачем сюда пришёл. Я всё про тебя знаю. Ты проклял мою мать и отрёкся от неё. Ты едва не убил Мэг. Ты... – У неё едва не сорвался голос. – ...погубил мой сад! Убирайся. Нам не о чем разговаривать.

Она и впрямь больше не желала тратить на него время. Всё, что ей хотелось – высказать в лицо презрение тому, кто когда-то оттолкнул несчастную Эйлин О’Рейли. Забери он её с собой, привези на родину – и, как знать, может, мать до сих пор жила бы счастливо, там, на Изумрудном острове, среди *своих*, и не только людей...

Но в глазах старика сквозило безумие. А такому вряд ли что докажешь. Вывать к здравому смыслу и увещевать бесполезно, выслушивать, зачем он её искал – ни к чему, потому что она палец о палец не ударит для того, кто едва не сгубил Мэгги.

– Откуда ты знаешь... – словно не слыша, забормотал старик. И спохватился. – Ты нужна мне! Не хватает лишь магии феи, чтобы... Девчонка! Не смей мне дерзить!

Спохватившись, он потряс посохом. И разогнул согбен-

ную спину.

Одеяние его засверкало ослепительной белизной. Голову оплёл венок из дубовых листьев. Вокруг посоха, вонзившего остриём в булыжную мостовую, обвился и пустил почки побег плюща. Помолодевший лет на сорок, друид сверкнул грозными чёрными глазами.

– Ты должна пойти со мной. Как старший рода, как единственный кровник, приказываю тебе. Повинуйся!

Внутри Ирис глухо заворочалась ранее неизведанная злоба. Усилием воли она заставила её замолчать. Эфенди не разрешал ей срываться, не хотел, чтобы джаным превратилась в злобную фурию. Она лишь вчера перечитывала последнее наставление и хорошо помнит его заветы. Поэтому сейчас лишь отмахнулась от сотни жадных щупалец, неразличимых человеческим глазом, но ей-то прекрасно видимых, отростков древней магии, пытавшихся присосаться к её защитному кокону, но бессильно соскальзывающих с него, как ужи со стекла.

– У тебя нет власти надо мной, старик.

Должно быть, по замыслу О’Ши она должна была чувствовать себя и впрямь девчонкой без роду-племени, которой оказывают благодеяние, протягивая руку помощи. Но словно целая жизнь, не дожитая прекрасной Эйлин, похищенной по воле друида-фанатика и лишённой судьбы, воли и родины, легла ей на плечи. Не дрогнув, она продолжила, глядя в упор, и с затаённым злорадством отмечая, как раскрыва-

ются от изумления чёрные глаза, тускнеют, взгляд их теряет силу...

– Ты сам отлучил мою мать от рода, и ни на ней, ни на мне не осталось родовой метки, а потому – приказывать глупо. Ты мне никто.

Каждое слово, спокойное, взвешенное, прибавало старику будто камнем. И вскоре стало понятно, что вспышка магии не сдёрнула с него покров дряхлости, а лишь поддерживала иллюзию молодости, которая сползала теперь клочок за клочком.

– ...Госпожа!

Слева от Ирис выросла чёрная тень. Али, как и полагается, занял свой пост, каким-то чутьём распознав, что ей требуется помощь.

– Дед!

Она не заметила, откуда он взялся, рослый молодой человек, стремительно выдернувший из мостовой посох, от которого уже летели во все стороны огненные искры. Потом перехватил руку старика, заломил тому за спину.

– Дед, довольно!

Несмотря на драматизм сцены, голос его звучал спокойно.

– Я же просил – без меня не ходи!

– Я её нашёл, а она посмела... Уйди, мальчишка! Она должна поехать с нами!

– Успокойся!

Не сдержавшись, молодой человек рыкнул, и на какой-то

миг Ирис и Али показалось, что он обрастает бурой медвежьей шерстью. Мгновенье – и всё пропало. Скорее всего, молодой маг успел обуздать оборот и взять себя в руки.

– Уговори её! – бессильно пыхтел старик, пытаясь вырваться из железных... похоже – медвежьих объятий внука.

– И не подумаю. Судя по тому, что я услышал – мы не имеем на неё никаких прав. Пойдём. Ты всё испортил сам.

– Нет! Я не...

Вздохнув, юноша ласково обнял деда за шею – и тот вдруг обмяк, словно из него разом вышибли дух. Внук осторожно подхватил его под подмышки. Глянул на остолбеневшую рыжую фею...

– Простите нас, ради наших и своих богов. Клянусь, я не хотел этого. Мы уедем. Простите, если можете.

Закинул безвольную руку старика себе за шею – и повлёк прочь, подбадривая и заставляя передвигать еле шевелящиеся ноги.

– Почти обездвижил, – негромко сказал Али и подставил задрожавшей от пережитого хозяйке локоть, опереться. – Точки Ци, Ю и Фань... Хорошее владение. Ты в порядке, госпожа?

– Д-да... – с запинкой ответила Ирис. Но защиту снимать не торопилась.

А ведь он и впрямь безумен, этот старик. Как он твердил, что единственный и последний родственник, словно напрочь забыл о внуке! Или юноша – приёмный? Нет, слишком много

в нём внешнего сходства со старым О'Ши...

Кажется, только внешнего.

– Проводи меня до ворот, Али.

И добавила, глядя вслед уходящим:

– А потом догони их. Проследи. Я хотела бы встретиться с младшим, поговорить. Брат Тук сказал как-то, что без его помощи Мэг погибла бы. Значит, он не такой, как дед?

– Ну да. Ходит за ним и чинит всё, что тот сломал, – скептически хмыкнул нубиец.

Ирис поморщилась.

– Али, не спеши осуждать. Ты хорошо разбираешься в людях; вот я и прошу: проследи. Понаблюдай. Он может оказаться хорошим человеком.

– А если даже и нехорошим – тем более его нельзя упускать из виду... Хорошо, госпожа. Но только до моего прихода не выходи никуда, даже в лечебницу.

– Обещаю, Али.

Она поспешила к дверце в воротах и не обратила внимания, как с каменного стенного зубца бесшумно сорвалась большая чёрная птица чуть крупнее ворона. Зато Али за её спиной отреагировал мгновенно. Сторонний наблюдатель уловил бы разве что смазанное движение, но через секунду птица дёрнулась в полёте и, кувыркаясь, теряя перья, рухнула на госпитальный двор.

Отследив направление медленно удаляющихся деда и внука, опытный охранник решил, что догнать их не составит

труда, а потому – сперва задержался, дабы вытащить из птичьей шеи серебряную стрелку.

Ещё в Константинополе, обучаясь в гильдии телохранителей, он не раз слышал, что особо могущественными магами для слежки могут посылаться птицы и мелкие звери. А потому не удивился, заметив на когтистой лапе, уже неподвижной, стальное кольцо с дужкой для пристёгивания цепочки...

* * *

Она сняла защиту, лишь оказавшись в келье. А затем долго и придирчиво осматривала чётки, стараясь унять запоздавшую панику и слабость от магического отката.

Остывший жемчуг слегка потускнел, но даже не потрескался.

Значит, её догадка верна...

В старике О'Ши она почуяла магию ещё на расстоянии. Магию, родственную своей, повелевающей растениями. Вот только оказалось её у друида не слишком много, и поддерживалась она иной, её собственной, вытянутой, скорее всего, из погибшего сада. Оттого-то и не удалось ему проломить щит: волшебство феи отказалась вредить настоящей хозяйке.

А собственных сил старика на грабёж не хватило... Это тебе не из беззащитных деревьев Силу вытягивать.

Значит, в Лувре на неё пытался надавить ментально кто-то другой, куда сильнее друида. Да и не удивительно: что-

бы дотянуться к ней за несколько лье от Лютееции, понадобились недюжинные магические резервы, или помощь артефактов-накопителей, а ведь они не каждому подвластны. О'Ши – всего лишь растерявший разум фанатик, непонятно от кого прознавший о фее и примчавшийся сюда с Изумрудного острова. Размахивается широко, а ударить уже не может, был, да вышел... Но ведь кто-то надоумил его явиться за ней в Лютеецию?

Теперь-то она вспомнила: совсем не случайно он показался ей знакомым. Именно Брана О'Ши она видела в Марсельском порту, рядом с тем синеглазым молодым человеком, поддерживавшим её тогда открытой искренней улыбкой. Ах, хоть бы интуиция не подвела, и этот юноша и впрямь оказался бы славным и добрым! Тогда... у неё был бы брат. Настоящий. Что ни говори, а в одном оказался прав старик, пытаюсь по-своему её приманить: родная кровь есть родная...

Но как бы то ни было – ошибка может дорого обойтись. Надо дожидаться вестей от Али.

И думать, думать...

Значит, фея нужна ещё кому-то. Тому, кто пытался дважды её похитить – на постоялом дворе в Роане и в лесу, натравив наёмников. Да ещё и оставив крылатого наблюдателя, погибшего потом от её кинжала... Тому, кто пытался спугнуть её на лугу, как куропатку, заставив выпрыгнуть из высокой травы прямо под ноги охотничьим псам. Тому, кто, возможно, решив подстраховаться и достать её не так, но

эдак, узнал о ней всё, что можно, разыскал О'Ши и подсказал, где разыскать фею, что поможет осуществлению мечты всей его жизни... О, эфенди занимался с ней не только науками и языками, он ещё рассказывал об интригах и заговорах, о сложных многоходовых партиях, разыгрываемых на досках королей и султанов, их тайных служб, визирей и министров... Со стороны можно было порой даже восхититься хитросплетениям замыслов, играм умов; но Ирис и думать не могла, что сама однажды угодит в подобную паутину. Однако теперь ничему не удивлялась.

...Захлопали, застучали снаружи двери келий, послышались тихие голоса. Час молитв закончился. Сёстры-монахини расходились по своим послушаниям, не подозревая, какая нешуточная битва разгорелась недавно совсем рядом, за монастырской стеной. И слава Богу, что не знали, и что сестра Агата по-прежнему подрёмывала в сторожке. Когда разбираются меж собой маги – лучше, чтобы люди держались подальше.

Но снова в сердце заползает страх, как тогда, в роще...

...Это сейчас она знает, что ужас, захлестнувший её волной при виде безобидного луга с одуванчиками, пробудился под воздействием злой волей извне. А тогда ей было не до мыслей, хотелось бежать, куда глаза глядят, спрятаться; да хоть в землю зарыться! Если бы не Тук, вовремя перехвативший её возле ручья – она давно бы мчалась по дороге... да сама не знает, куда, лишь бы как можно дальше.

– Расскажи. Расскажи, дочь моя... – тихо твердил он, глядя её по голове. – Легче будет, как выговоришься...

Странно, но в тот момент ей показалось, что это сам мудрый эфенди её утешает. Должно быть, потому она и не заметила, как выложила ему всё – сперва сбивчиво, потом, приходя в себя, более внятно, но всё же торопясь излить то, что много лет копилось в потаённом уголке души, о чём она ни разу ни говорила. Слова так и лились потоком, но главное, что она ни разу больше не запнулась, хвала Аллаху и Всевышнему, а ведь успела порядком напугаться, что проклятое косноязычье вернулось.

И снова она видела гаремный двор, и падающее тело Айше, и ручку маленького братца, недвижимую, со сведёнными пальчиками и посиневшими ногтями и с подаренным маленькой Ирис браслетом из ракушек. Опять суровые воины – уже не продажные янычары, выдавшие Баязеда, а личная гвардия Хромца – выстраивались в ряд, и отчётливо слышались приближающиеся шаги нового Владыки. Императора. Великого Султана.

«Баязедово отродье...»

«Девственниц оставьте, остальных утопить...»

«Покажешь мне её через пять лет...»

Потом мелькнуло лицо наложницы, решившей выдать Ирис, но убитой походя воином, не желающим слушать женские вопли – мелькнуло и пропало. Потом – унижительный осмотр суровой лекарицы...

...и первая встреча с Аслан-беем. Вернее, она-то думала, что первая, а он, оказывается, знал её ещё грудным младенцем. И Мэг вспомнил тотчас, вот почему они так странно переглядывались. Оттого он и выхлопотал для них отдельную каморку, и только через несколько лет разрешил отселить девочку в общий гарем – когда подросла, окрепла и научилась защищаться.

Сейчас, достаточно зная дорогого эфенди, Ирис поняла, что излечить её от заикания мудрый старец мог уже тогда. Но не стал. И намеренно давал ей лекарство, сдерживающее рост и развитие, чтобы не похорошела и не расцвела раньше времени, не привлекла бы внимания Тамерлана, не обнаружила бы в себе магию, запрещённую в Серале. Он защищал её всегда. И даже сейчас оберегает в мудрых наставлениях...

Это озарения снизошло на неё там же, у тихого ручья в рощице, где брат Тук выслушивал её откровения. Опустилось, накрыло, принеся с собой неожиданное спокойствие и волну нежности и благодарности к названому отцу.

Слёзы высохли.

Она помолчала – и уже спокойно завершила вкратце, как сложилась её с Мэг дальнейшая жизнь, как вышло, что она угодила к франкским послам – «подарком» от султана. Даже, невольно засмеявшись, вспомнила, как массировала Бомарше пятки, а тот блаженно стонал, нарочито громко, чтобы тем, кто случайно или намеренно подслушивает за дверьми, казалось, что здесь царит разгул страстей...

А потом, когда брат Тук спросил, каким образом она всё же исцелилась – пришлось вспомнить и о казни Гюнез.

– ...Какая страшная юность, дитя моё, – помолчав, сказал он. – Насколько я знаю, в нашем обществе о гаремах восточных царей сложилось представление, как о местах наслаждения, сладострастия и распутства, ведь редко кому приоткрывается некрасивая правда. А, в сущности, на Востоке, как и на Западе, одно: чем ближе к короне, тем опаснее. Счастье, что рядом с тобой оказались два ангела-хранителя: твой будущий супруг и твоя кормилица. Отняв родителей, Господь всё же не оставил тебя одну в твоём страшном миреке.

...Вот кому непременно нужно сообщить о старике О'Ши. Брат Тук, конечно, пожурит её за самовольство; но посоветует, как вести себя дальше.

Верная своему слову не покидать монастырских стен до возвращения Али, она не пошла нынче в госпиталь. Но сёстры не пеняли ей за это: их гостя сегодня и сама-то выглядела больной. Не станешь же им объяснять, что таковы последствия защиты от поползновений одного чересчур настойчивого друида! Поэтому, немного передохнув, Ирис отправилась поливать розы в монастырском саду. Исцеляться душой, укреплять ослабевшее тело и немного печалиться о своей потере в Эстре. Её первый сад, в который она вложила столько любви и заботы, погиб, погиб, и никогда уже не повторится... Она, конечно, вырастит новый, но этот, первенец...

Монотонный труд отвлекал от грустных мыслей. А нежные розовые, белые и пурпурные бутоны намекали, что и им не мешало бы уделить немного заботы, что жизнь – продолжается, цветы недолговечны, и иногда у них можно поучиться радоваться этой самой жизни, пусть даже и короткой.

В очередной раз вытянув не слишком тяжёлое ведро из колодца, Ирис перехватила поудобнее дужку, отошла на несколько шагов...

... и, вздрогнув от странного всплеска, обернулась.

На широком каменном кольце, обрамляющем сруб, лежал свиток. Девушка могла поклясться, что совсем недавно его здесь не было.

В колодезной глубине кто-то отчётливо хихикнул, плеснулся и затих.

Предвкушая нечто необычное, она оставила в покое ведро, шагнула вперёд... и, ещё не дойдя до послания, почувствовала лёгкий аромат амбры и сандала, исходящий от плотной бумаги. Сердце радостно трепыхнулось. Этот тонкий дух Востока напомнил о человеке, встречи с которым она ждала, боялась – и никак не могла устроить, потому что после её визита в Лувр маршал Винсент и брат Тук настоятельно просили несколько дней не покидать пределов аббатства. Иначе, разузнав о месте её пребывания, сюда могли нагрянуть любопытные, жаждущие своими глазами увидеть османскую ненаследную принцессу в монашеском одеянии. Сёстрам вряд ли понравится подобное нашествие; но

за несколько дней для Ирис подыщут достойное жильё, её собственное...

Желанная встреча всё откладывалась и откладывалась.

Но на таинственно появившемся свитке, так и просящемся в руки, пламенела алым сургучом печать капитана Джафара.

«Богиня!» – начиналось оно...

Глава 2

*«Я видел пред собой изысканный букет,
Из роз и хризантем, что воспевал поэт
Но что мне – красота придворных гурий пышных,
Коль нежного цветка со мною рядом нет?*

*Вот прелестью манит и нежностью пион,
Магнолий аромат уносит в сладкий сон.
Но мне милее всех один стыдливый ирис
Что лишь вчера раскрыл пленительный бутон».*²

Зардевшись, Ирис прервала чтение.

– И... остальное в том же духе.

– А точнее? – покусывая губы от сдерживаемого смеха, но изо всех сил напуская серьёзность, спросила аббатиса Констанция.

– Ещё пять газелей. А всего семь: счастливое и гармоничное число, любимое поэтами и мистиками.

– Газели? Ах, да, четверостишья на персидский манер... Нет, я имею в виду – там, дальше, говорится лишь про цветы? И совсем ничего – Боже упаси! – о возможном свидании?

– Ничего, – убито отозвалась её гостя. И запунцовела ещё

² Авторская стилизация под Хайяма

больше. — А почему — «Боже упаси»? Я бы всё равно не пошла... пока, — добавила задумчиво.

— Потому что, дитя моё, любовная переписка в святых стенах — это... нехорошо. Да ещё и доставленная столь необычным способом. Пусть, по твоим словам, никто и не видел появления письма, но отчего-то нынче к сестре Изольде набралась целая дюжина желающих поухаживать за её розами и земляникой, хоть обычно являются добровольно две-три послушницы. И все поголовно норовят сегодня зачерпнуть воды из старого колодца. Я бы приказала установить на нём крышку да приколотить намертво, — аббатиса лукаво заулыбалась, — но вот беда: второй колодец расположен слишком далеко от сада, и придётся носить воду с самой кухни...

Она, наконец, рассмеялась, заметив неподдельное огорчение на личике Ирис.

— Не беда, с русалкой я поговорю, чтобы пока не показывалась на глаза любопытствующим. Чему ты удивляешься? Мы с ней уже с десяток лет добрые подруги; просто остальным об этом знать не следует. Она, как и я, порой изнывает от скуки и любит поболтать. А заодно и помочь кому-нибудь... Знаешь, жизнь у нас так однообразна, что от скуки невольно начинаешь поддаваться праздным развлечениям... Мы, разумеется, творим много добрых и хороших дел, неустанно молимся за короля и наших ближних, но так иногда не хватает глотка свежего воздуха! Ведь за этими стенами, — Констанция повела рукой вокруг, — не только соблазны и грехи, там

ещё и мир, кипучий, полный событий, порой радостных и величественных, полезных для нашего государства, для малых и великих... Ах, во мне всё ещё говорит любовь к той жизни, что вела когда-то Камилла Ангулемская, обожавшая балы, путешествия и новости! После смерти супруга всё это для меня угасло, показалось ненужным и бессмысленным. А здесь я, как ни странно, ожила... Думаю, ты меня понимаешь. Бедное дитя, в твоих рассказах о дорогом супруге и учителе столько любви и уважения...

Печально улыбнувшись, она осторожно сняла новенькие очки – подарок самого папы Аврелия, изготовленный по его заказу лучшими венецианскими ювелирами, и привычным жестом потёрла переносицу, на которой остался след от дужки.

– Никак не привыкну...

– Матушка, да зачем они вам? – с детской непосредственностью ляпнула Ирис. – Это ведь обычные стёкла, да?

– Молчи, егоза!

Ничуть не осердившись, аббатиса погрозила пальцем:

– Это для большей весомости. Сама подумай: чем старше настоятельница, тем больше к ней доверия. И послушания. Меня назначили настоятельницей, когда мне едва исполнилось двадцать пять; а некоторым здешним сёстрам было в два-три раза больше, каково-то им подчиняться пигалице, почти девчонке, да ещё бывшей графине? Одно спасало – родство с Его Величеством. Не смели перечить. Пришлось

доказывать, особенно кое-кому, метившему на это кресло, что и духовным подвижничеством, и разумным управлением я на сей пост подхожу. Но и солидности себе при этом как-то добавлять. Хоть молодость, к сожалению, недостаток преходящий...

Она чуть разогнула золотые дужки, скреплённые особым винтом, и, водрузив обратно, добавила с иронией:

– Настоятельнице в очках прощается даже некая легкомысленность. Но вернёмся к теме, более насущной. Ты не сказала, что там далее, в этих прелестных газелях?

– О! – Ирис опять зарделась. – Просто у меня не всегда хорошо получается переводить: я пока с трудом подбираю рифмы на франкском языке. В следующих строфах он сравнивает свой любимый цветок уже с драгоценными камнями и жемчугами...

– И ты, разумеется, краше всех!

– Не я, – не удержавшись, девушка хихикнула. – Цветочек. Затем рассказывает, как его обожают птицы...

– Это всё чрезвычайно трогательно и мило, но что там насчёт встречи? Так-таки ничего?

Девушка лишь скорбно поджала губы.

Матушка Констанция хмыкнула.

– А ведь разумно. Если послание перехватят – не придерёшься: воспевал дивные красоты понравившегося цветка... а заодно и напомнил о своём существовании и страсти, причём в такой форме, что посторонний, хоть и владеющий

османским наречием, не разглядит подтекст. Да твой воздыхатель умён, ничего не скажешь! Он тебе нравится?

– Скорее да, чем нет, – в очередной раз вспыхнула Ирис.

– Милое дитя, да ты скоро сгоришь от смущения. Не стесняйся; с кем тебе ещё говорить о своих чувствах, как не с духовной водительницей? Ведь твою названую матушку сейчас лучше не тревожить, дабы её измученное сердце не перетрудилось... И ты ему ответишь?

«Милое дитя» лишь отрицательно качнуло головой.

– Почему? Не хочешь? Или желаешь помучить, распалить молчанием?

– Из уважения к этим стенам, – ответила Ирис просто. – Я ведь понимаю, что подобные действия и даже мысли в святом месте – нехорошо. Ах, матушка Констанция, мне так нужно услышать ваш совет!

– Догадываюсь.

Маленькая женщина, по сравнению с которой Ирис выглядела рослой, печально улыбнулась, на её миловидном личике заиграли ямочки. Что ей вспомнилось в эту минуту? Юность? Первая влюблённость? А может, суровые увещевания духовника, страшавшего гееной огненной за необуздание плотских порывов, и совсем иные, доверительные и откровенные, беседы с матерью, которая когда-то и на многое открыла ей глаза, и стойчески сносила возмущение дочери, потерявшей голову сразу от троих молодых людей? Один из них грозился, будучи отвергнутым, утопиться, од-

нако после отказа от дома через неделю посватался к другой титулованной глупышке, что, в отличие от некоторых, засиделась в невестах. Другой оказался обычным охотником за приданым, завязшим в долгах: на что-то надо было пускать пыль в глаза свету! Третий вообще не собирался жениться, а намекал на звание «сердечного друга и хранителя девичьих тайн», и даже был бит крепкой дубовой тростью папенькой-графом и ославлен на всю столицу... Не единожды юная Камилла, ныне Констанция, добрым словом помянула советы мудрой матери. Возможно, потому-то сейчас, глядя на Ирис, она не смогла отделаться формальным дружеским увещеванием. А самое главное – не стала *порицать*.

– В любви, как таковой, нет греха, – сказала мягко. – Грешно – играть в неё, или, того пуще, топтать чужие чувства, причиняя другому страдания. Но как разобраться, любишь ли ты или просто желаешь любить? Грань между этими состояниями души настолько тонка, что и зрелый человек не сразу разберётся в своих чувствах, а уж юная девушка, неискушённая, неопытная – и подавно.

Пристроившись на скамеечке возле кресла, Ирис с обожанием взглянула на неё снизу вверх. Что-то было в матушке Констанции... притягательное, заставляющее улыбаться каждый раз, едва услышав её спокойный голос, увидев лучистые глаза. Она дружит с русалкой? Не удивительно. Женщины с такими глазами укрощали тигров и львов, выпущенных Нероном для растерзания христиан на аренах Колизея.

Аббатиса ласково провела по пышным рыжим кудрям девушки, не стесняемым послушнической накидкой.

– Ты хороша, знатна, богата... Правда, титул у тебя странный – ненаследная принцесса, больше условный... Но неважно: твоё золото, статус свободной вдовы и экзотичная красота заставили восторгнуться сердца многих: и восторженных юношей, и зрелых мужей. Скажу тебе без обиняков: охотников за приданым и за блестящей партией хватает как среди первых, так и среди вторых. Уже сейчас Лютеция бурлит от слухов и предположений: кого ты выберешь? Опасаюсь, что, едва твоё местоположение раскроется, нам придётся выдержать настоящую осаду; ну, да ничего, справимся... Но ответ откровенно на первый вопрос, приходящий на ум мне, как женщине, хорошо познавшей свет: не является ли твой капитан таким же охотником за богатой вдовой?

...А, ты опускаешь голову, но я-то вижу, каким негодованием вспыхнули твои прелестные глаза! Разумеется, эти гнусные мысли о приданом не могли посетить твоего избранника... или пока лишь воздыхателя, ибо он, наверняка, сам и богат, и имеет вес в своём обществе. Вижу, что так. Но разве ему не лестно – получить в подарок от судьбы такую гурию, красавицу, из-за которой не жалко сломать копье или меч на турнире и пролить несколько капель крови и бесщётные бутылки чернил? Скажи: как хорошо ты его знаешь? Ведаешь ли его характер, предпочтения? Жесток он или мягок? Как ведёт себя с низшими и с теми, кто выше него? Ка-

ков он с женщинами? И – не считай нас, франков, невеждами, нам известно, что в Османии нередки случаи, когда свободный и состоятельный мужчина имеет нескольких наложниц, и Джафар-ага, уверена, не исключение. Расстанется ли он с ними? Сочтёт ли нужным вообще обсуждать с тобой эту тему? А если нет – сочтёшь ли *ты* нужным вернуться в ту жизнь, от которой – не хочу сказать, что сбежала, но... Всё же это прошлое, дитя моё. Ты не только богата и красива – ты ещё и умна, и обладаешь пытливым умом, жадой нового, любишь учиться; тебя не тяготит ни работа с больными, ни беседы с учёными людьми. Не потеряешь ли ты это всё, если вернёшься? Но главное...

Она помолчала.

– А твоя чудесная магия? Позволит ли твой супруг тебе ею заниматься?

Ирис огорошено сморгнула.

– Но...

Потёрла лоб.

– Я как-то не задумывалась.

Аббатиса покивала.

– Разумеется, разумеется. Девушки в пору первых влюблённостей редко забегают мыслями в будущее, все их планы ограничиваются мечтами о встречах, сладостных поцелуях и признаниях и, как апофеоз, грёзами о свадьбе. Ты не исключение, поскольку была отдана замуж рано, и на твою долю не досталось ни ухаживаний, ни обсуждений женихов с

подругами, ни встреч, случайных или намеренных, на балах, охотах или карнавалах... Всё это впереди. Но смотри, не попадись на крючок людских предубеждений! Некоторые мужчины ведут себя с вдовами, как с опытными женщинами, начинают тонкие игры, жонглируют словами и намёками, а ты по неискушённости своей можешь простодушно принимать тонкую ложь за чистую монету. И угодить в ловушку.

В окно кельи сердито забилась пчела, вынырнувшая из букета пионов и люпинов. Её отягощали обножки, груженные розовой пылью, но толстенькое насекомое никак не могло найти выход, то и дело упрямо ударяясь в прозрачную преграду. Приподнявшись с кресла, настоятельница потянула створку окна и выпроводила незваную гостью. Да и застыла у проёма, вглядываясь во что-то, видимое ей одной. Аристократические пальчики с мозолями от письменного пера поглаживали простой кипарисовый нагрудный крест.

– Не обиделась? – спросила, не поворачивая головы. – Я пойму.

Ирис пригорюнилась. Уважение к настоятельница боролось с желанием немедленно броситься на защиту капитана Джафара. Вот только одно её сдерживало: она сама не могла понять, начнёт ли защищать его искренне – либо только из чувства протеста.

– А если я скажу, что он не... – осторожно начала она.

Констанция обернулась, насмешливо приподняв бровь

– Не таков? Очень может быть. Но я спрашиваю тебя, де-

вушку рассудительную, обученную анализировать и делать выводы: почему ты так думаешь? Тогда ответ ещё: отчего он до сих пор не женат? Я не такая уж затворница, и кое-что знаю об обычаях при чужих дворах: так вот, Тамерлан, как правило, предпочитает видеть среди своих военачальников людей, обременённых семьями. Не мне тебе пояснять, с какой целью...

Да уж. Семья, оставленная в заложниках, пока её глава воюет в чужой стране, чрезвычайно способствовала укреплению верности к султану и отчизне. Оттого-то, а не из старческой сентиментальности, как язвили злые, но не слишком умные языки, Солнцеликий предпочитал, чтобы его приближённые женились не сколько по расчёту, сколько по зову сердца, и порой великодушно разрешал совсем уж немислимые мезальянсы, приводя в пример одного из своих предшественников, вознёсшего в фаворитки никому неизвестную банщицу... Любящие мужья и отцы – вот опора государства и моя, повторял Хромец. И далеко не все осознавали тонкую иронию, скрытую в его словах.

– А капитан Джафар до сих пор свободен, – продолжила аббатиса. – Отчего? Ему за тридцать, многие его сверстники обзавелись не по одному наследнику, а он всё медлит. Военная карьера? Возможно. Постоянные походы? Это делу не мешает: пока мужчина на войне, женщины занимаются домом и детьми и ему не мешают. Но к чему я веду? Просто к тому, чтобы ты не торопилась. Не покупалась на уговоры,

цветастые слова, на комплименты и заверения в любви. Поверь, нынешнее послание – первая ласточка; совсем скоро за ним, как из рога изобилия, посыплются десятки писем от новых обожателей, и все – с признаниями и просьбами о встречах. Полетят букеты, подарки, приглашения, предложения, угрозы покончить с собой... да-да, и такое встречается, но не воспринимай их серьёзно: кому и впрямь жизнь не мила, тот не трубит о том во всеуслышанье. Тебе просто придётся выдержать этот натиск. Возможно, увеличить охрану. Ну, и в самом деле, однажды выбрать мужа.

И запомни, дитя моё: где бы ты ни появилась – на тебя будут устремлены десятки, а то и сотни глаз, не всегда доброжелательных. Таков свет: добродетели он осмеивает, пороки же лицемерно осуждает; но только ленивый не пнёт падшего или падшую. Репутация женщины очень уязвима, помни это.

– Я помню, – помедлив, отвечала Ирис. – Но так не хочется думать плохое о хорошем человеке!

– Значит, надо встречаться, чтобы узнать его лучше, просто делать это так, чтобы не возбудить подозрений и насмешек, лучше всего – прилюдно. Разговаривать. И... доверять голосу сердца. Благодаренье Господу, у вдов есть выбор, в отличие от большинства юных дев, судьбу которых определяют родители. Но не будь слепой, дитя моё, и не позволяй плотским желаниям заглушить голос интуиции, если тот начнёт чувствовать неладное. Не торопись.

Восточная гостья вновь опустила глаза.

– У меня ещё целых два года...

– Тем более, не надо терять голову от первого, кто попросил твоей руки. Знаешь, что мы сделаем? – Аббатиса склонила голову к плечу. – Научи-ка меня заваривать кофе, дитя Востока. Так, как это делают у вас, в Константинополе. Здесь, в Лютении, мужчины присвоили себе привилегию наслаждения дивным напитком, не допуская женщин в кофейни. Можно подумать, за чашкой кофе они обсуждают великие государственные дела! Да они там сплетничают часами! А чем мы хуже? Посидим, поговорим... и я постараюсь тебе рассказать о лучших и худших потомках Адама, что могут тебе повстречаться при дворе и в домах нашей славной столицы. Я многое помню, а ещё больше порой слышу на подготовке девиц и матрон к исповеди...

Ирис всплеснула руками – и помчалась в свою комнатку, за запасами душистых горьких зёрен. Довольно усмехнувшись, аббатиса извлекла из недр книжного шкафчика ручную мельничку, крошечную жаровню и баночку с ямайским жёлтым сахаром. Ох, грешница ты, Констанция-Камилла, но чего не сделаешь ради наставления на путь истинный чистой души? А доверительный разговор иной раз куда полезнее стращений и запугиваний.

Подумав, один большой кусок сахара отложила в сторону. Завернула в батистовый платочек.

Отнести потом Матильде, русалке, да спросить: как это она умудрилась передать свиток, не замочив его?

– Аннет, да постой же, ради бога! Энни! Пого...

Бац!

Белая дверь с раззолоченными резными виноградными лозами захлопнулась перед носом короля, отрезав ему путь в покои маркизы де Клематис. Вот так. Будто не было ворований под луной, распугиваний первых соловьёв поцелуями и страстными стонами, будто не для них цвели жасмин с сиренью и распускались лилии в зеркальных прудах Нового парка... Поди, пойми, что творится в головке прекраснейшей из женщин? Вчера она растворяется в тебе, сегодня же – сбегает, рассерженная. А всё из-за чего?..

– Никакая я вам не Энни, – довольно-таки грубо для маркизы огрызнулись из-за двери. – Подите прочь, сир! У меня уже поперёк горла ваши переговоры... «Весьма успешные!» – с горечью передразнила она. – Я не желаю вас видеть, вот. Ступайте – и женитесь хоть на сотне королев, а ко мне больше не подъезжайте. Нам с Анри и без вас хорошо.

– Фу, маркиза, как это... пошло, – несколько растерянно отозвался Его Величество Генрих. – Я же не хотел ничего такого... Э-э... Не думал, что тебя это огорчит. Но ты же должна понимать: на карту поставлено будущее Франкии! И ради него всё же можно немного потерпеть...

Бац!

Створка дрогнула от весомого удара с той стороны. Судя по характерному хлопку, сопровождаённому звуком посыпавшихся осколков, что-то разбилось, причём запущенное в дверь крепкой, не по-женски сильной ручкой. Похоже, в Аннет бурлила-таки капитанская кровь, умирямая до сей поры благородным воспитанием и наставлениями сыновних гувернёров и учителей, и возражать ей сейчас – лишь вызвать новый приступ возмущения.

– Аннет, – примирительно начал Генрих.

Бац!

– Я только хотел ска...

Бряк!

– Послушай, это уже не шутки!

Дзинь, бух!

– В конце концов, неудобно перед герцогом... – рявкнул в сердцах король. – Вот переедешь в Лувр – круши, сколько хочешь, но за мой счёт, пожалуйста. Пожалей фарфор, он не виноват.

Наступила тишина.

Генрих прямо-таки всей шкурой ощущал, как его любимая, гневно раздувая ноздри, взвешивает на руке очередное изделие чайнских или дрезденских мастеров... Но, истинно по-королевски вернув самообладание, возвращает на каминную полку, энергично, с пристукиванием. И кидает в сторону многострадальной двери уже только сердитый взгляд.

– Фарфор... – процедила с неопишемым сарказмом. – А

у вас, кажется, неплохой опыт по части разборок с любовницами, сир; лихо это вы на слух определяете...

— Аннет, мы, кажется, давно на «ты», — терпеливо напомнил король.

— Нет, Ваше Величество.

Бывшая капитанская дочка в ней уступила место маркизе.

— Нет. Ни на «ты», ни вообще... никак. Это даже хорошо, что вы вспомнили чёртовы переговоры. Вернули меня, так сказать, с небес на землю, вправили мозги; тысячу благодарностей, сир, и нижайший поклон. Лучше вам уйти.

— Но, милая...

Генрих вздохнул. Проклятая привычка — в кругу «своих» расслабляться и не просеивать сказанное — подвела. Надо же так было ляпнуть, не подумав, что брачные переговоры с бриттанцами скоро, наконец, завершатся ко всеобщему благоденствию... Ох, сейчас бы Пико прошёлся бы по поводу его деревенской простоты!

— Не «милая», — отчеканила Аннет, — не «любимая», не «цветочек». Маркиза де Клематис, напомню, сир. Вдовствующая. И... покончим со всем этим раз и навсегда, мы не дети, в конце концов.

Его величество готов был поклясться, что голос прелестницы дрогнул.

Он прислонился спиной к прохладному дереву, вжался затылком, чтобы хоть немного быть ближе к недостигаемой женщине. И если бы в тот момент в гостевом крыле Гайяр-

да появился кто-то ещё – наверное, испепелил бы взглядом, лишь бы не мешал.

– Милая... – позвал настойчиво. – Ты не запретишь мне так себя называть, просто не сможешь. Пойми, я ведь не... У нас с тобой всё гораздо серьезней. Я ведь не в фаворитки тебя зову.

От сдавленного женского всхлипа у короля так и дрогнули колени. Обычно дамские слёзы его раздражали и выводили из себя, но сейчас так и полоснули по сердцу, словно ножом. Прикрыв глаза, он сильнее втиснулся в резную поверхность, чувствуя, как врезаются в лопатки и ладони прихотливые изгибы застывших в дереве лоз.

Зашелестело платье.

– Я... давно не девочка, верящая в добрые сказки, сир.

Он затаил дыхание, стараясь унять бешено застучавшее сердце.

– У нас нет будущего, Генрих.

И такая безнадёжность была в её голосе, что перехватывало горло.

– Нет... – повторила она. И добавила, помолчав:

– Лучше бы нам не встречаться вновь...

Послышался тихий шорох. Король знал, чувствовал, что сейчас она так же, как он, прислонилась к двери, и разделяет их каких-то пара дюймов, крошечных, но непреодолимых, укреплённых целыми бастионами условностей, запретов, предрассудков... Но даже сквозь преграды он чувство-

вал жар её тела. Ласку узких изящных пальцев, замерших там, в двух дюймах напротив его ладоней.

– После того, как мы расстались... помнишь, когда я сбежала? Я не строила никаких планов, не мечтала, не надеялась: просто твёрдо глядела в будущее – без тебя. Иного и быть не могло. Я была очень зла, когда узнала, что ты, из лучших побуждений, конечно, приказал лишить меня самого лучшего, что со мной осталось – памяти о тебе. А сейчас думаю – может, зря взбунтовалась? Забыла бы всё, осталась с хорошим человеком, растила бы сына... Наверное, муж так и старался бы держать нас взаперти, или подальше от Лютеции и двора, чтобы я никогда не задалась вопросом: а почему это Анри так похож на нашего короля? Да если бы и спросила – уверена, мне снова милосердно подчистили бы память... Теперь я понимаю, каково это: «Во многая знания – многая печали». Но это моя печаль, Генрих, и больше не смей её у меня отнимать. Может... если будет слишком больно – я сама пойду к менталистам.

– Не смей, – глухо отозвался король. – Слышишь? Поздно. Я не могу этого допустить, ты слишком глубоко во мне засела. Ты – и сын. Аннет, прошу, подожди ещё немного. Не могу я сказать тебе всего сейчас, просто не могу! Потерпи.

Её неровное дыхание заставляло сердце сжиматься от жалости.

– Всё образуется. Обещаю.

Шажки в конце коридора, ведущего в гостевые комнаты,

заставили его вздрогнуть и открыть глаза.

Замерев от неожиданности, на него уставился запыхавшийся Анри, наполовину растерявший за эти дни «арапчонистый» окрас и теперь всё более походивший на маленького дофина Генриха с неофициального портрета. Рукав его камзольчика был надорван, лоб украшала свежая царапина, а на лице всё ещё светились остатки торжества. Очевидно, он спешил к матери похвастать какой-то победой.

Много ли он услышал?

Со дня их знакомства сын избегал его, а во время случайных встреч замыкался в себе, на вопросы отвечал коротко, но главное – отводил глаза. Сейчас же их взгляды встретились.

– Уходи, Анри.

Голос Аннет прозвучал как-то надтреснуто. Казалось, ещё немного – и она сама лопнет и рассыплется фарфоровыми осколками, как ваза... Мальчик обиженно сморгнул, но через мгновение на его личике отразилось понимание: мать обращалась не к нему! А к этому большому огорчённому мужчине, так похожему на него, странному, непонятному. Смотрящему при редких встречах с такой же тоской, как сейчас. Маленький Анри очень хорошо помнил обожаемого отца-маркиза и не собирался от него отказываться. Но тот, что стоял теперь перед ним, вжавшись в дверь, словно святой Себастьян, пронзённый стрелами – показался вдруг достойным сочувствия. В нём не было зла... в отличие от тех,

например, что когда-то их похитили, держали взаперти, обижали маму и везли по морю в неизвестность. А мать, хоть и сердилась на «сира», но как-то по-другому, без обиды, больше с горечью.

Он хорошо помнил её рассказ – о встрече с королём Франции, которого она тогда знала как «господина Анри» и полюбила с первого взгляда; как они расстались, как потом некий благородный маркиз влюбился и предложил ей руку и сердце, и родовой замок, и всю оставшуюся жизнь окружал их любовью и заботой... Умом понимал, а вот сердцем всё никак не могло смириться, что добрый старый отец – не родной.

Мамин рассказ он выслушал. Может, стоит всё-таки поговорить с тем, кто упорно пытается с ним подружиться? Послушать его? Побеседовать, как мужчина с женщиной – так, бывало, говаривал бодрый маркиз де Клематис, беря его за руку и не выговаривая, но обсуждая очередную мальчишескую шалость, а потом объясняя, почему нехорошо выщипывать хвост павлину или подмешивать вино в поилки... Но время глупостей прошло, рассудил взрослый Анри, и пора принимать взрослые решения. Он не допустит, чтобы мама снова плакала. Придётся поговорить с этим так называемым отцом серьёзно, будь он там король-раскороль.

Он приложил палец к губам – чтобы большой Анри помолчал и не выдал его присутствия, поскольку незачем женщинам знать о мужских переговорах. И поманил рукой, призывая следовать за собой. На цыпочках выскользнул за

дверь, ведущую в холл, а оттуда – в сад.

Поколебавшись, Генрих погладил нагревшееся под его ладонью дерево. Громко прошептал:

– Я ещё вернусь, Энни. Даже думать забудь о менталистах, поняла? Я запрещаю.

Несмотря на тишину, знал: она слышит.

Сдержал вздох – и помчался за сыном.

* * *

Он шёл за мальчиком, шагающим к садовой беседке, и тихо умилялся. Всему. Тому, как по-взрослому тот заложил руки за спину, что придавало маленькой фигурке ещё большей целеустремлённости; его серьёзности, взрослой не во возрасту речи... Малышу семь с половиной, а он рассудителен, выдержан и спокоен, хоть это и не мешает ему иногда срываться на шалости и выдумки, которым можно подивиться – а уж слуги докладывали всё о его проказах!

Несколько раз король ловил себя на том, что отчаянно ревнует к покойному маркизу де Клематису: ведь это ему, а не Генриху, довелось видеть, как рос, креп на глазах маленький Анри, как делал первые шаги... Это маркиз дарил ему первую лошадку, торжественно вручал маленькую учебную шпажку с родовым гербом на эфесе, брал с собой на охоту, с гордостью представлял гостям: «Мой сын, господа. Наследник...» И в то же время Его Величество испытывал огром-

ную благодарность к неугомонному старику, приставившему к ребёнку лучших учителей и воспитателей, достойных дофина. Несмотря на свою известную непоседливость и чудинку, так и не прошедшие с годами, маркиз отличался редким умом и проницательностью, и потому король не сомневался. де Клематис прекрасно знал, *чьего* ребёнка растит. А чистая и беззаветная верность мальчика его памяти говорит о многом.

Они стояли друг против друга в небольшой беседке, оба – заложив руки за спину, сосредоточенные, серьёзные и удивительно похожие.

– Итак, господин Анри, – прервал молчание король, – вы хотели со мной поговорить?

– Совершенно верно, сир, – не теряя серьёзности, отвечал мальчик. – Обстоятельства вынуждают меня сделать вам предупреждение.

Генрих заинтересованно приподнял бровь. Анри же нахмурился:

– Как старший мужчина в семье... – начал он.

На лице короля не дрогнул ни один мускул. Его величество прилагал все усилия, чтобы не расхохотаться.

– ...вынужден сообщить, что меня беспокоит то, что происходит между вами и моей матушкой. Мне это не нравится! – выпалил мальчик, на миг сорвавшись с официального тона. Но тотчас напустил на себя прежний суровый вид. – Я не возражал против ваших встреч, когда она им радовалась.

Но, господин Анри...

Король вздёрнул и вторую бровь. Надо же! Будь на месте его сына записной дуэлянт, задира и бретёр – даже он не сумел бы так ловко «забыть» о высочайшем монаршем титуле и как бы случайно назвать его условным именем, под которым он обычно путешествовал инкогнито.

– ...в последнее время после разговоров с вами она плачет. А это... дурно с вашей стороны – так её огорчать. Или женитесь на ней, как порядочный человек и дворянин, или объяснитесь и расстаньтесь по-хорошему. Но только знайте, что у нас тоже есть фамильная гордость, вот!

Последнее слово он звонко выкрикнул, притопнув ножкой и сжимая кулачки.

Немалые кулачки для семилетнего мальчика, следует отметить. Почти как у крестьянского мальчика, привыкшего к лопате и вилам. Его Величество подавил приступ очередного умиления и со всей учтивостью поклонился.

– Я понял вас, господин Анри, и должен заметить, что ваша тревога за судьбу матушки объяснима, понятна, но безосновательна. Ни о каком нашем с ней расставании не может быть и речи. Заверяю вас в своих самых серьёзных намерениях касательно госпожи маркизы, и, пользуясь случаем, прошу, как у *старшего мужчины в семье*, её руки. Вы же понимаете, что я не могу говорить об этом напрямую с Аннет... с вашей матушкой, пока не заручусь вашим согласием.

Маленький Анри раскрыл от изумления рот... и выдал

лишь, совершенно по-простому:

– Тогда почему она плачет?

– Потому, что я король, господин Анри. А короли, как правило, женятся не на любимых, а на соседних государствах, такова уж правда жизни, непохожая на сказки. Она не верит в наше с ней счастье. Но ведь я король, да? И кое-что ещё могу...

Он сделал приглашающий жест в сторону скамьи и сам присел на краешек. Сын осторожно опустился неподалёку, не спуская с него глаз.

– Я знаю, что на государствах, – пробормотал задумчиво. – Но ведь... так было не всегда, да! Мы с мэтром Оливье изучали историю, и он всегда меня хвалил за хорошую память и понимание. Иногда случалось, что женились и на стране или провинции, но при этом немножко ещё и по любви. Как в Испании, Изабелла и Фердинанд... И у нас, во Франкии, такое случалось, и у бриттов. И если вы утверждаете...

Он задумался. Вскинул вопросительно взгляд.

– Да, – чётко, по-военному ответил король. – Я люблю твою мать, сынок.

Мальчик вздохнул с облегчением.

– Тогда женитесь, сир. Чего вы ждёте? Мне, правда, не очень хочется, чтобы она становилась королевой, говорят, придворные надоедливы и во всё вмешиваются. Может, вы разрешите нам вернуться в замок, а сами будет навещать,

как навешаете здесь? Я говорил с господином Арманом: он посоветовал обратиться к господину Фуке и сказал, что тот – настоящий знаток порталной магии, и сможет настроить Старый портал на Шато-Клер. Только нужно там же подготовить выходную площадку: найти места, где поблизости выход Силы, и как-то обустроить. Возможно, ему понадобится помощь, секретность и много-много денег, но матушкиными стараниями казна нашего замка полна. Главное – найти мастеров своего дела.

Генрих вновь подавил нервный смех.

– Лихо, – только и сказал он. – Да у вас всё продумано, господин Анри! Я восхищён.

– А я люблю продумывать, – простодушно отозвался мальчик. – Мы с мэтром Оливье часто игрались в то, как можно было бы поправить какую-нибудь войну или вообще не воевать, или как исправить ошибки в переговорах... Это так интересно! – Спohватившись, что, должно быть, излишняя горячность портит его внушительный образ, сдвинул брови в точности по-отцовски. – Так как, сир?

Откинувшись на спинку, Генрих сложил руки на груди и прищурился.

– А матушка-то знает о твоих планах? Или... мы скажем ей после, когда досконально всё решим?

– Скажем после, – кивнул сын.

Внутри короля так и закипела радость.

Он не возразил против «Мы скажем»...

Какой очаровательный ребёнок! Умный ребёнок! Его ребёнок!

— Но до этого, — добавил он, — мы должны кое о чём условиться.

Положение складывалось весьма щекотливое.

Можно было сколько угодно восхищаться догадливостью и умом будущего дофина, но забывать при этом об осторожности — преступно. Мало ли, с кем мальчик общается? Да, пока они с матерью не покидают пределов Гайярда — из соображений той же безопасности, по просьбе самого Генриха, поддержанной и Жильбертом д'Эстре, и Старым Герцогом. Но пришлось выдержать несколько баталий с Аннет, не желающей сидеть взаперти, пока у самых стен замка не перехватили одного отравителя, пытавшегося взломать зачарованную тайную калитку в сад, и не подстрелили с башни крылатую тварь, по рассказам — чрезвычайно похожую на ту, что бросалась на обоз восточной гостии. Лишь страх за жизнь сына удерживал свободолюбивую маркизу в этих стенах. Пока не закончится расследование с устранением всех недоброжелателей — Генрих не рисковал приглашать любимую женщину в Лувр, даже в тайные покои. Как ни прискорбно, но Гайярд, живой замок с собственной душой, был безопаснее и надёжней королевской резиденции.

— Есть у меня сведения, — медленно начал он, — что за вами с матушкой, мой мальчик, давно уже идёт охота. И вот, пока я не выясню, не отловлю и не покараю...

Мальчик заворожённо уставился на его стиснутый мощный кулак.

– Н-да. – Перехватив взгляд, король ободряюще улыбнулся и расслабил пальцы, встряхнув кистью. – Так о чём я? О нашем разговоре, как и о твоих замыслах, ты не должен говорить ни с кем, ни намеренно, ни случайно. Когда я говорю – «ни с кем», подразумеваю и самых доверенных лиц, и прислугу, последнюю особенно, ибо не всех мы знаем в лицо, а среди слуг, которые вездесущи, шпиона внедрить куда легче, чем заставить кого-то, равного по происхождению, втереться тебе в доверие... Понятно?

– Да, сир!

Его Величество половину короны отдал бы сейчас, чтобы услышать: «Да, отец!» Но, скрепя сердце, признал, что и без того немалого достиг: сын уже не избегает встреч, мало того: они теперь единомышленники.

А главное – он разрешил жениться на его матери!

Одобрил, значит...

Непременно надо познакомиться с его учителями. Мэтр Оливье, говорите? Прекрасные игры для развития ума вы подкидываете будущему государю, надо отдать должное.

– Нам многое нужно обсудить, – сказал вслух. – Встретимся здесь же, вечером. А сейчас я бы попросил, господин Анри, – он подмигнул, не теряя при этом официального тона. – Проведайте матушку и успокойте её. Пусть даже она немного пожурит вас за неподобающий вид, но на время за-

будет о наших разногласиях. Кстати, чем это вы занимались?

Анри смущённо покосился на почти оторванный рукав. Потёр ободранную щеку.

– Котёнка снимали с дерева. Ой, сейчас, наверное, Жилю влетит, он сестрёнку не удержал, а она за нами на дерево полезла и платье порвала... Девчонка, что поделать!

– Дело хоть того стоило? – серьёзно спросил король.

– А как же! Он такой тощий, грязный и красивый, его непременно надо было спасти! Его Маркиз притащил, а сам куда-то делся, вот он и залез на дуб с перепугу, а слезть боялся.

– Тощий, грязный и красивый...

Оставалось только покачать головой.

Сын-то у него – настоящий мужчина!

– Маркиз зря воспитанников не набирает. Что ж, жду вас на этом же месте в шесть часов вечера, господин Анри.

– Слушаюсь, сир!

Вскочив, мальчик торопливо поклонился. И лишь сверкнули подошвы его крепких башмачков, испачканные влажным после дождя песком парковых дорожек.

Только теперь король прикрыл лицо ладонью, и с облегчением рассмеялся, сдержав рвущееся рыдание. Он и сам не понимал, как напряжён, пока внутри что-то не распрямилось, как разжатая пружина в часах-луковице... Маленький Анри, наконец, сделал шаг навстречу.

Внимание мужчины привлекло робкое мяуканье. Бес-

шумно ступая серыми от грязи лапками, останавливаясь на каждом шажке, в беседку крался котёнок-подросток... Совершенно верно: «тощий, грязный и красивый». Бывший, по всей вероятности, от природы белым и когда-то пушистым. И с разноцветными глазами – жёлтым и голубым.

Присел от страха, когда громадный человек протянул к нему ручищу.

Но от большой ладони веяло теплом и чем-то вкусным. Неудивительно, ведь человек таскал с собой в кармане сахар и хлеб для своих любимцев на конюшне... За пазухой же у него оказалось тепло и уютно.

– Пойдём со мной к матушке Денизе, – бухнуло над лохматой головой. – Она и накормит, и отмоет... Отвезу тебя в новый дом, большой и красивый. Ты случайно не Подарок Судьбы, а, парень?

И добавил совершенно непонятно:

– Назову-ка я тебя Фортунатом³...

* * *

Милый, милый маленький Анри...

Ради него Аннет шла на всё. Если бы даже маркиз де Клематис оказался бы старым распутником и сластолюбцем – стерпела бы, лишь бы сын считался законнорожденным; но,

³ Фортунато – счастливый, удачливый (имя, исп.)

хвала Всевышнему, муж оказался настоящим рыцарем, добрым и чутким, пусть несколько взбалмошным, иногда позволяющим себе ребячьи выходки, иногда чересчур простодушным и доверчивым себе во вред. С последствиями его беспечности пришлось разбираться другим. Пусть не сразу, но со временем и ценой немалых трудов новоявленная маркиза поставила на место и обнаглевших соседей, «забывших» о тысячных долгах золотом, выкляченных когда-то под слёзные просьбы о помощи и клятвы о немедленной отдаче после поправки дел; и старост шести деревушек. Мужики, все, как на подбор, дюжие и здоровые, впадали в старческое слабоумие и старательно тупили при словах «работа», «налоги», «барщина». Плохо пришлось бы новой хозяйке, ибо особо наглые дворяне смеялись и намекали на неясное происхождение – правда, за спиной, в глаза всё же побаивались; а обленившиеся пейзажи уже грозились взяться за вилы. Однако вовремя прибывшие с «Новой Энн» Джон и Одноглазый Хью быстро придали словам и действиям новой хозяйки вес и убедительность.

Первый, как бывший тайный агент и мастер по подходам к представителям любых сословий, взял на себя соседей-аристократов, и нашёл для одних нужные ключики, для других – любимые мозоли; третьи же оказались достаточно умны. Не дожидаясь прибытия судейских и описания имущества на продажу за долги, либо возможных громких скандалов, поспешили восстановить хорошие отношения с семейством де

Клематис. Как-никак, он тоже Валуа, представитель правящей династии, как это они забыли?

Бывший же боцман Хью, не стеснявшийся и без госпожи проехаться по деревням, важного господина из себя не строил. Просто и доходчиво он объяснил, что к господам маркизам нужно бы относиться с должным почтением, долг свой холопский не забывать, и тогда – ежели крестьяне станут вести себя смирно и по-божески, то и к ним отнесутся также. А вот за вилы и топоры ответ, с той же божьей помощью, прилетит незамедлительно – в виде пушечных ядер с бережья, которое совсем недалече. И стоят там на посту brave карающие ангелы из бывшей абордажной команды. Ни к чему лишний раз тревожить судейских, они – для благородных, а с чёрной костью и другие разберутся.

Так и получилось, что со своими новыми управляющими и при помощи твёрдой ручки молодой супруги маркиз де Клематис вернул отчему дому и краю былое процветание, о котором уж и думать забыл.

И, как человек разумный, с полным основанием считал, что, вытащив его однажды с затапливаемого островка посреди океана, милая Аннет спасла ему *только* жизнь, а, выйдя за него замуж – спасла кое-что более ценное: дворянскую честь и славное имя предков. Потому и закрывал глаза на мутное прошлое – не только супруги, но и её ставленников. И когда однажды, ведомые доносом, в Шато-Клер явились столичные дознаватели, и, принеся нижайшие извинения за

беспокойство, осмелились уточнить, ручается ли он за тёмных личностей, скрывающихся под личинами его управляющих – твёрдо ответил: да, ручается. Присягу на верность они принесли – и ещё ни разу её не нарушили, в отличие от тех, коими был нацарапан жалкий доносишко. И польза от сих благороднейших и воспитанных мужей превеликая есть, ибо распоряжаются они его людьми и хозяйством не в пример лучше, чем управляющие соседей, а доказательство тому – денежный ручеек налогов в казну, с каждым годом всё полноводнее. Разумеется, как дворянин, маркиз налогов не платил, но строго отслеживал, чтобы его крестьяне недоимок в казну не накапливали. Так-то вот.

От этих-то двоих «благороднейших мужей» и поджидала ответа Аннет, едва приехав в Эстре и с надёжным человеком маршала Винсента отправив восточку о своём спасении. И вот, наконец, дождалась.

Уложив Анри, взбудораженного разговором с государем и оттого не сразу уснувшего, она отправилась к себе. Достала из секретера наспех читанное перед появлением Генриха письмо, перечитала: на сей раз вдумчиво, улыбаясь неуклюжим признания Джона и Хью в том, как они счастливы, что она с малышом живы и невредимы. Растроганно смахнула слезу. Что-то она в последнее время стала слишком чувствительной. Или это оттого, что рассказ и наивные мечты сына пробудили в ней ненужную надежду? Но нет... Покачала головой. Нельзя жить пустыми мечтами. Для себя она всё ре-

шила.

Хватит отсиживаться здесь, как мышь в норе. Женой Генриха она быть не может, фавориткой – не хочет. Добро бы, деваться было некуда – но у неё, хвала Всевышнему, есть теперь родной дом, замок, который она воссоздала чуть ли не из руин и в который успела влюбиться. У неё титул, имя, состояние... Сын, ради которого всё это завоёвывалось и приумножалось. Надо просто продолжать жить – также, как жили они до похищения... Ах, да, раз уж на то пошло – попросить Генриха, чтобы его тайные службы проверили надёжность тех, кто сейчас в Шато-Клер, поскольку новые шпионы и интриги за спиной ей не нужны. «Господин Анри» ратует за её безопасность? Отлично. Пусть выделит сопровождение, и она спокойно отбудет домой. Хватит уж злоупотреблять гостеприимством герцога, она и без того тут засиделась.

Письмо старым друзьям было отписано, оставалось послать его завтра с утра нарочным. Горькие думы обдуманы, слёзы изгнаны, указания насчёт завтрашних туалетов оставлены, гребни и шпильки из кос вынуты, и поджидала постель. Стылая, пустая...

А ведь она ещё молода. Так хотелось порой ласки и поцелуев...

Несмотря на поздний час, ей не спалось. И уже грозилась изо всех углов спальни бессонница, обещая нелёгкую ночь, а потому пришлось встать; не тревожа горничной, одеться в лёгкое домашнее платье, накинуть на плечи шаль – и выйти

в парк. Ибо лучшее средство нагнать сон – прогулка.

На любимой скамье маркизы возле паркового пруда чувствовалась приятная прохлада от воды, местами уже подёрнутой туманом. Блестели на чёрной глянцевой поверхности блики луны, разбиваясь рябью; неподвижно белели бутоны лилий, закрывшихся на ночь. Щёлкали в кустах пичуги... Почти не нарушая тишину, рядом с женщиной зашуршало, зашелестело чьё-то одеяние. Шагов при приближении не было слышно, а вот то, как человек опустился рядом – она почувствовала. Но даже не вздрогнула. Кто мог ей навредить в самом сердце Гайярда?

– Доброй ночи, прелес-с-стейшая, – белозубо улыбнулся Старый Герцог.

Хоть и встречались они с ним нечасто, но Анри все уши прожужжал матери по деда своих новых друзей, дракониду, катавшего ребятишек на хвосте, непревзойдённого рассказчика, а главное – заступника перед их суровым отцом и добрейшей, но от этого не менее строгой матушкой. Аннет ни разу не видела его в драконьем обличье, но не жалела: хватило с неё змеелюдов и нежити в Некрополисе... Моложавый мужчина, которому даже седина придавала необычайный шарм, настоящий вельможа, но как бы скромно приглушающий налёт царственности, обаятельный, тактичный – таким она его знала, таким он ей и нравился, чем-то безотчётно напоминая незабвенного покойного мужа. Возможно, в этой чуть напускной величавости проскальзывала го-

товность в любой момент изобразить нечто оригинальное, никак не сочетаемое с понятиями благородного воспитания и этикета. А может, она просто чувствовала, что под вальяжным обликом таится искра авантюризма, не дававшая когда-то покоя и ей?

Она слабо улыбнулась.

– Ах, хоть вы-то оставьте эти комплименты, господин Арман! Похоже, мужчины ни минуты не могут прожить без того, чтобы не польстить даме.

– С-с-смотря какой даме, с-с-сударыня. – Отец правящего герцога негромко рассмеялся. – Как говорит один наш общий зс-с-снакомый, ес-с-сли я вижу, что женщина прелес-с-стна, я так и говорю... Не с-с-спится? А не желаете пройтись, в таком с-с-случае? Тишина, покой, приятная прогулка – не более. Мне, с-с-старiku, иногда бывает не с кем помолчать, вот я и приглашаю, пос-с-сколько, как вижу, бес-с-седовать вы тоже не расположиш-ш-шены. Помолчим вмес-с-сте, сударыня.

Поднимаясь, он предложил руку – и Аннет с благодарностью оперлась о его локоть. Пожалуй, именно это и нужно ей сейчас: опора, хоть и символическая, мерное расхаживание, помогающее привести мысли в порядок, тишина, и... присутствие рядом того, кто понимает – и молчит.

Где-то вдалеке, у бокового выхода из гостевого крыла, слышались голоса. Слов на таком расстоянии не разобрать, но можно было опознать Жильберта д'Эстре, его супругу

и «господина Анри». Король прощался с герцогской четой. Что-то он нынче поздно отбывает. Не торопится к своей Бесс...

Не думать, Энни, не думать.

Луна светила ярко, подсвечивая песчаные дорожки. Старый Герцог шёл не спеша, размеренно, подлаживаясь под мелкий шаг женщины и словно к чему-то прислушиваясь. Молчание несколько не тяготило их. Аннет невольно припомнилось, что и с Антуаном де Клематисом ей, порой, доводилось проводить долгие зимние вечера вот так, практически не обмолвившись ни словом. Но тишина, как и сейчас, отнюдь не давила и не угнетала. Они сидели в его кабинете: жена за счетами и бумагами, муж тут же, в кресле неподалёку, перечитывал «Воспоминания Цезаря», или «Государя» Макиавелли, делая пометки на полях и иногда одобрительно хмыкая...

Невольно на месте старого маркиза она представила Генриха.

Если бы только это было возможно!

Но... нет. Никогда. И незачем травить себе душу.

Задумавшись, она не заметила, как они со спутником углубились в живой лабиринт, и спохватилась, обнаружив себя окружённой со всех сторон тёмными зелёными стенами лишь, когда Старый Герцог вдруг остановился. Прошептал еле слышно: «Тс-с-с!» И увлёк её в небольшой тупичок-ответвление, уводя с основной аллеи. Не понимая, в чём дело,

она завертела головой, но герцог приложил палец к губам и выразительно покосился куда-то влево. Значит, повода для беспокойства не было, всего лишь кто-то появился неподалеку. Естественно, попадаться кому-то на глаза в такой... как бы сказать... почти интимной обстановке Арман д'Эстре не захотел, дорожа репутацией женщины.

Она невольно прислушалась.

Сердце трепыхнулось.

Генрих.

– Дальше не пойдём, иначе заплутаемся в темноте... Итак, Филипп, я тебя слушаю. Что за разговор в такое неурочное время, да ещё секретный? Ты перехватил меня почти у ворот; стоило оно того?

– Государь...

Граф де Камилле помолчал, словно собираясь с силами.

– Простите, сир, теперь я понимаю, что, возможно, с моей стороны это был слишком самонадеянный и дерзкий поступок. Но я с трудом решился на него, а потому не мог откладывать, поскольку в ближайшее время вы будете на переговорах, а значит – отмените все аудиенции. Вы же просили докладывать о возможных изменениях по интересующему вас делу незамедлительно...

– Вот дипломат чёртов, привык изъясняться цветасто... Филипп, давай проще: у меня к концу дня голова, как чугунное ядро, не соображает. Я уже понял, что дело кажется тебе важным, а хоть бы и не так, но ты уже здесь. Валяй. Что там

у тебя?

Граф де Камилле вздохнул.

– Сир! Должен предупредить, что могу и не выполнить ваше поручение.

* * *

– Хм. Ты о... Ах, о нашей фее? Опять? Что за очередная блажь пришла тебе в голову?

– Это не блажь, государь.

Аннет так и наострила ушки. Они говорят об Ирис? А при чём здесь граф де Камилле? И что это за дурацкое поручение?

Голос Филиппа окреп, стал твёрже.

– Я не говорю, что не справлюсь, заметьте. Я всего лишь допускаю, что кто-то другой может увлечь Ирис Рыжекудрую; и если этот другой окажется человеком порядочным и её достойным, то я...

– Я же говорю – блажь! – сердито рявкнул Его Величество. – Ну, ответь мне, болван, ты-то чем хуже или недостойнее? Хорош, умён, богат, а главное – образован! Уж тебе-то с ней есть о чём поговорить, не в пример прочим вертопрахам, которые кроме пустых комплиментов да цветастых стишков ничего выдать не могут! Она – женщина умная, это я уже понял, и на пустышку не поведётся. У вас с ней куда больше общего, чем с сотнями обедневших баронов и виконтов, что

рыскают по Лютеции в поисках золотой невесты. Она же теперь принцесса! Признанная!

– Но почему, государь? Прошу извинить, я хотел спросить: отчего её титул стал известен только сейчас? Ведь её могли с куда большей выгодой выдать замуж на родине?

– Хм. Не уводи в сторону. Почему, почему... Хромец сообщил мне тайно, что сам лишь недавно узнал о её происхождении, и, хоть она дочь свергнутого султана, но всё же Баязед его племянник, родная кровь, так сказать... Её возвращения в Османию он не желает, по вполне понятным причинам. А вот брак с франком, особенно, в чьей собственности будет... Чёрт. Ну, напряги мозги, ты же дипломат, в конце концов, не мне объяснять тебе политические мотивы!

– Пока не понимаю, сир.

Генрих шумно выдохнул.

– Слушай же. Ты не хуже меня знаешь, что Хромец расширил свои владения в Европе и на Балканах. Но ему этого мало. Однако, помня о судьбе Александра Македонского, после смерти которого собранная им из кусков империя рухнула в считанные месяцы, он желает временно остановиться на достигнутом и укрепить то, что есть. Но его страстная натура жаждет большего!

– Чего? – угрюмо спросил Филипп. – Да, в Европе ему уже тесно, однако есть покорённые Египет и Сирия. Он развернёт корабли в Индию? Или... рискнёт пойти на Тартарию через Крым? С царём Иоанном связываться опасно.

– Не Индия, не Азия, дружище, его пока не интересуют.
Ну же, подумай!

Молчание.

– Дьявол... Неужели Хромец хочет прорваться в Новый Свет?

– Угадал.

Послышался скрип шагов по песку: кто-то из собеседников расхаживал по дорожке.

– Право, он всё больше заставляет себя уважать, – вновь заговорил король. – Каков размах, каков масштаб, а? Дай ему волю... И в то же время – он осторожен и обладает превосходным чувством меры, умея вовремя остановиться, дабы не распылять силы. Ты посмотри, из посредственного... Ладно, будем откровенны, из незаурядного вождя стать императором, и за десять лет раздвинуть свои границы чуть ли не вдвое! Мало ему проникнуть в Африку: он желает перемахнуть через Атлантику, на новый континент! Что замолчал? Или вспомнил, что ты не один в семье учёный, и твой дядя заложил Порт Рояль, а затем и Квебек, а сейчас – губернатор Новой Франкии? К счастью – заметь, к нашему обоюдному! – он женат, а иначе, не знаю, как бы мне пришлось выкручиваться, изъяви Тамерлан желание отправить признанную им родственницу сразу в Новый Свет...

– Проклятье, – только и прошептал Филипп.

– А, теперь ты понимаешь? Так-то, дружище. А вот к худу или к добру то, что у де Шамплена нет наследников, и часть

богатейших земель и плантаций перейдёт после его кончины тебе... А часть, возможно, и прижизненно. Видимо, Хромец считает, что к добру. И уже сейчас намекает на возможную доверенность, выданную твоей супруге на управление.

Граф помолчал.

– На что ещё он рассчитывает? Сир, вы же понимаете, что я не могу знать подробности конфиденциальной переписки!

– На лояльное отношение со стороны родственницы-соотечественницы, на торговые связи и кое-какие новые мануфактуры. Не даром, заметь! Османский флот у берегов Акадии и Ньюфаунленда поможет нам вытеснить засевших там бриттов: эти каторжане в колониях довольно своенравны, и не особо-то подчиняются своей королеве.

«Ему надоело воевать...» – чуть слышно шепнул за спиной оцепеневшей Аннет Старый Герцог. «Хм-м-м...»

– Хромцу надоело воевать? – эхом откликнулся Филипп. – И теперь он хочет проникнуть на новый континент... бескровно? Вот как.

– Значит, так.

– А для этого ему нужны родственные связи, и я – в качестве посредника...

Аннет в гневе сжала кулачки, но поверх её руки легла тёплая мужская ладонь. Старый Герцог укоризненно покачал головой. «Надо дослушать». Лицо его, в свете луны, отливающее серебром – кажется, кое-где на скулах даже чешуйки проступили – выражало живейшую заинтересованность.

– И всё же, государь, я хочу оставить ей свободу выбора, – упрямо сказал Филипп. – Она слишком долго была несвободна. Жила в вечном страхе разоблачения. Её унижали и муштровали в гареме, затем навязали старого мужа... К счастью, он оказался прекрасным человеком, больше отцом и наставником, нежели супругом, как я понял. Но сейчас, государь, вы собираетесь сломать её своей волей! А ведь она, – добавил вкрадчиво, – даже не ваша подданная!

Король раздражённо рыкнул:

– Так сделай, чтобы она захотела стать нашей подданной! Дипломат ты или кто?

– Уже нет. У вас на столе, государь, моё прошение об отставке.

Похоже, Генрих даже растерялся.

– Да это... бунт!

– Называйте, как хотите. Арестуйте меня. Я готов.

– Готов он...

Вслед за энергичным крепким выражением что-то лязгнуло, просвистело, вспорол кусты... Это Его Величество, умиряя гнев, рубанул кинжалом гибкие ветви живой изгороди, загущенные и без того частым подрезанием. Отдышавшись, повернулся к смирно ожидавшему своей участи графу.

– Отставку твою не принимаю. Не хочешь жениться – сам тяни флот Хромца через океан, как хочешь. Мне нужны его корабли у наших берегов. Ещё раз надерзишь – будешь долго думать, как выкрутиться, но уже в Бастилии, понял? Иди.

– Сир...

– Я сказал – не дерзить! И не попадайся мне под горячую руку!

...Великих трудов стоило Аннет промолчать – и не браться в защиту строптивца. Лишь успокаивающее поглаживание по плечу сдерживало её на месте.

Выждав, когда звук шагов отдалятся, Старый Герцог проворчал:

– Вот так и верш-ш-шится межгосударственная политика... Сударыня, как вам это нравится-с-ся?

– Никак! – сердито прошипела Аннет. – И этот негодяй что-то там смел мне петь о любви, о том, что мужчина перед её лицом способен на многое! – Поняв, что проболталась, зажала ладонью рот. – Ох, простите!

– Что вы, что вы, мне нис-с-сколько не интерес-с-сны ваши откровения, тем более, что час-с-сть из кое-чьих приз-с-с-саний я слышал... У меня, зс-с-снаете ли, очень чуткий слух, и иногда я так же, как сегодня, брожу ночами по парку, правда, в одиночес-с-стве... Оттого и столь ос-с-сведомлен, и не только в делах с-с-сердечных.

Аннет так и вспыхнула, герцог же, будто не замечая её смущения, продолжал:

– Вопрос-с-с только в том, что нам с этим зс-с-снанием делать? Не кажется-с-ся ли вам, что наша милая восточная фея не зас-с-служила подобного отнош-ш-шения? Даже этого гордеца де Камилле проняло, наконец, а нашему Анри

хоть кол на голове теш-ш-ши!

– Возмутительно! – горячо поддержала Аннет, уже не сдерживаясь. – Мерзко! И почему нельзя просто-напросто договориться с Османией напрямую о поддержке флотом и о торговле с Новым Светом? У нас же и без того Договор о сотрудничестве и связях!

– А-а, маркиза, тут замешана больш-ш-шая политика... Ес-с-сли Европа воз-с-с-смутится пронырливостью Хромца – наш Гос-с-сударь может выс-с-сказать неудовольс-с-ствие, но сослаться на то, что де Камилле и де Ш-ш-шамплен сговорились зс-с-с-а его спиной, Хромец же ис-с-с-пользовал родственные с-с-с-вязи, а корабли пос-с-с-лал лишь в защиту интересов племянницы.

– Кто такой Шамплен?

– Самюэль де Шамплен, дядя нашего героя, путешественник, дворянин-гидрограф, а ныне первый человек в наших заморских колониях. И верно служш-ш-шит короне.

– Понятно... Но ведь всем будет ясно, что их так называемый сговор – просто пустяшные отговорки!

– Это политика, маркиза, а политики час-с-сто, подобно малым детям, верят в с-с-сказочные ис-с-с-тории, делая вид, что не зс-с-с-нают, кто их сочинил. Однако, вернёмс-с-ся к нашей фее. Хотите ей помочь?

– Да, да! Меня самую однажды чуть вот так не... использовали, и я никому не желаю такой же судьбы. Но что я могу?

– Что *мы* можем, с-с-с-сударыня? Да хотя бы пос-с-с-ставить

девочку в извес-с-стность о том, в какое положш-ш-шение она попала. Вам, как хорошей подруге, она поверит быс-с-стрее. А потом уже с-с-совместно решим, что можно с-с-сделать. Ведь, может статься, что граф ей не безразличен, как вы думаете?

– Нужен-то он ей! – с негодованием фыркнула Аннет. – Этот сухарь, эта ледышка! Да у него сургуч вместо сердца!

– Моя дорогая маркизс-с-са...

Арман д'Эстре негромко засмеялся.

– А вам не показалос-с-сь странным, отчего с-с-сухарь и ледышка грудью вс-с-стаёт на защиту нашей феи? Кому, как ни ему, ес-с-сть, что терять при проигрыше! Королевское благоволение, титул, возс-с-сможно – и с-с-собственную свободу... Впрочем, это крайняя мера, Генрих не любит показс-с-сательных расправ. Но то, что нынче граф едва изс-с-сбежал каземата, очевидно.

– О! – в изумлении сказала Аннет. – Так вы полагаете...

– Я полагаю, маркизс-с-са, что он отс-с-стаивает любимую женщину. И как зс-с-снять, не ответно ли его чувс-с-ство? Прежде, чем предлагать помощь, недурно было бы поинтерес-с-соваться, а не лиш-ш-шняя ли она?

– Ох, не знаю...

Аннет лихорадочно размышляла.

На её памяти, Ирис не проявляла к Филиппу особого интереса. Но прошло столько времени с её отъезда, а путешествовали они с графом вместе. Кто знает, что могло между

ними случиться в дороге?

– Я должна её увидеть. Вы мне поможете?

– Непременно. Дайте мне время на подготовку – и я домчу вас-с-с до Лютеции за два час-с-са.

В животе у Аннет что-то ёкнуло.

– Э-это как?

– Ну, ну, не бес-с-спокойтесь, мне приходилос-с-сь возить на собственной спине и королев, и будущих матерей, и никто не жаловалс-с-ся. Увы, в нашем случае иного способа незаметно отлучитьс-с-ся из Гайярда я не вижу. Чтобы покинуть его официально, вам придётся с-с-слишком долго объясняться, а что вы скажете герцогу, который решительно настроен беречь и охранять вас? Рас-с-скроете государственную тайну? Не заставляйте моего с-с-сына выбрать между долгом гос-с-сударю и состраданием; мы всё провернём за его спиной. Обернёмс-с-ся за ночь. Дайте только время узнать, где сейчас обитает Ирис Рыжекудрая: я с-с-слышал, она собирается переезжш-ш-шать.

Глава 3

Скорее всего, по беспечности своей и в стремлении помочь новому другу Назар натворил бы много лишнего, и ничем хорошим оно бы не кончилось – не перехвати его вовремя наставник. Брат Тук, наконец, покончил со своими загадочными делами – «не со всеми, конечно, дети мои, да ведь их за всю жизнь не перелопатишь! Мы погрём – дела останутся!» – как охотно пояснял встречающим; и занялся воспитанником вплотную.

Начал с того, что силком извлёк его из медитации-молитвы, в которую Назару на третий день упорных занятий почти получилось погрузиться. Никак не получалось снова увидеть пропавшую девушку, и теперь в усиленной молитве и сосредоточении он пытался черпануть новых сил. Но едва, наконец, поймал состояние «растворения», когда тело не ощутило, и душа вот-вот выпрыгнет наружу, как из кокона – громоподобный хлопок над самым ухом выдернул его из транса.

Брат Тук рассматривал его хмуро и неодобрительно.

– Никуда не годится, сын мой. Вставай. Идём.

И даже вздёрнул за шиворот, помогая подняться.

На заплетающихся ногах Назар кое-как побрёл вслед за ним во внутренний двор небольшого замка, занимаемого Инквизицией. На ходу он то и дело умудрялся запинаться башмаками, отчего-то невероятно тяжелыми, то за выступ

половицы, то за пороги, а во дворе, вымощенном булыжником, ему вообще показалось, что каждый камень считает долгом встать на ребро и отбить ему пальцы. Словно не замечая его полусонного состояния, наставник вёл его куда-то в дальний угол двора. Назар лишь на миг прикрыл глаза от яркого света, успел услышать: «Ну-ка, дети мои, окатите-ка его живой водой!» – и задохнулся. На него обрушился водопад. Ледяной!

– Х-х-х-р... – только и прохрипел он сквозь зубы.

– Ещё пару вёдер, ребяташки, – прозвучал голос наставника.

Возвращённая, хоть и непрошено, бодрость как-то разом прояснила мозги, и Назар, сообразивший, что издевательство сейчас повторится, дёрнулся в сторону, но опоздал, и был заново окачен с головы до ног животворной водицей.

– Хо-ро-шо, – задумчиво протянул брат Тук. – Спасибо, братцы.

– Рады стараться, брат! – дружно рывкнули двое послушников, хмыкнули, и перед тем, как снова взяться за ворот колодца и бадьи для лошадиных поилок, подмигнули мокрому, как мышь, парню. – Водича у нас и впрямь живая. Что, чуть не выгорел, брат?

– Моя вина, – кротко ответил Тук. – Недосмотрел... А ну-ка, отрок, быстро, не рассуждая, разуться – и по кругу бегом. Пять кругов. Живо!

Почему-то Назару и в голову не пришло возмутиться. Вот

чувствовал, что где-то напортачил, виноват, упустил или забыл из того, чему наставник поучал... А что забыл, что упустил – не мог сообразить. Однако, несмотря на жару, после колодезной воды его так и трясло, и, чтобы быстрее согреться, он ринулся бежать, как и велено. Прикажи кто другой – может, и заартачился бы, а тут – наставник... Ещё Али приучил: или доверяешь Учителю во всём и слушаешься безоговорочно – или уходи. Третьего не дано. Спорить будешь, когда получишь хотя бы первую степень посвящения.

К тому же, бежать было не в пример приятней и проще, чем отсиживать зад на тощем тюфяке, раскорячив ноги в неудобном «цветке» и то и дело отслеживать спину – чтобы не горбиться, и вместе с тем «тянуться макушкой в небо», следуя указаниям Тука. Бегать Назар привык ещё с поры вечных поручений при эфенди и госпоже, главное, что думать при этом не требовалось, а если и прилетали на бегу какие-то мысли – то ненавязчивые, лёгкие... и так же быстро улетали.

На пятом кругу он, кажется, просох.

Но вскоре рубаха на нём вновь намокла – на сей раз от пота, потому что брат Тук, не дав опомниться, погнал его сперва к перекладине, установленной для тренировок местной братии. Решил проверить, сколько раз доставшийся ему растяпа сможет подтянуться... Результатом остался доволен и тотчас заставил мальчика приседать. Сперва просто так, потом, нагрузивши на плечи мешок с песком, который пацана чуть не придавил, когда тот под ним растянулся. Потом за-

ставил пинать и лупить большую кожаную дуру, подвешенную к балке на цепь и набитую опилками; хорошо, что та подавалась под ударами, а то и отбить всё недолго... И снова отжиматься, уже от земли, и прыгать в длину, и лезть через какой-то забор, потом через каменную стену... На которой Назар, в конце концов, так и повис тряпочкой.

– И вот что мы имеем, – прогудел монах, сдёргивая ученика с учебного препятствия. – Ноги у тебя крепкие, дышалка хорошая. Руки тоже сильны. Ловок, быстр. Но выносливости маловато, к большим нагрузкам пока не привык. Будем работать.

«Зачем?» – по глупости чуть не ляпнул отрок. Но вовремя вспомнил тренировки старших воспитанников в Эстрейском аббатстве, а заодно и тяжёлый дорожный посох смиренного наставника, выточенный не иначе как из железного дерева, и... благоразумно промолчал. Тук лишь ухмыльнулся, явно прочитав на измождённой роже его мысли. Показательно нанёс кожаной колбасе несколько ударов, после которых та затрещала по швам, и скомандовал:

– В мыльню. Переодеться в сухое – и полдничать.

...Назару сперва казалось, что он и ложку не удержит, так тряслись руки. Но перед тем, как сесть за стол, брат Тук осенил его крестным знамением, да ещё этак дружески ткнул костяшками пальцев в лоб – и тотчас полегчало. На миг даже обидно стало: зачем надо было купать, срамить у всех на виду, ежели достаточно так вот... благословить? Но потом

понял: это чтобы лучше проняло. И сразу.

– *Mens sana in corpore sano*, – возвестил наставник в трапезной, принимаясь за восхитительно пахнущую гречку с обжаренным лучком, грибами и крутым яйцом. Назар решил было, что это новая молитва, но Тук выразительно сощурился... Кажется, чего-то дожидался от крестника-подопечного.

– Э-э... В здоровом теле... – неуверенно начал Назар.

– Здоровый дух, – подхватил Тук и одобрительно кивнул. – Молодец, латынь тоже воспринимаешь, даже без образов. Ты ешь, отрок неразумный, ешь вволю, а заодно подумай, от чего недавно уберёгся.

Вкусная горячая каша сама в рот лезла, сметаясь с удивительной скоростью, и Назар даже не заметил, как уплёл две добавки. Думать не хотелось. Мешал стыд.

Увлёкся. Забыл о предупреждениях...

– Ведь я говорил, – напомнил о себе Тук, не спеша отодвигая тарелку и принимая от подавальщика необъятный кувшин с морсом. На кружки этот святоша богатырского сложения не разменивался. – Не лезь в то, чего не знаешь, и не потому, что, де, не по чину, а просто силёнок не хватит. Надорвёшься. Ты вот братушек наших хорошо помнишь, что в показательных боях бились? А то, что они уже на четвёртом году обучения – забыл. А что первые полгода с духовными практиками очень аккуратны, да и к боёвке их не подпускают – не знаешь... Разве можно жеребёнка впрягать в неподъёмный плуг? Нет, сперва надо мышцы нарастить, укрепить

дух, а потом уже впрягаться в орало. А мне доложили, что ты всё молишься да просветляешься, да три дня, почитай, не ешь, духовность постигая... Дело ли это?

Запунцовев, Назар угукнул и уткнулся в кружку с холодным морсом.

– Так-то, брат... Дух и тело – они и расти, и кормиться должны вместе. Плох тот подвижник, что на ногах не держится и от ветра падает: много ли он паствы обойдёт, многим ли поможет? Но и тупая сила без разума – всего лишь тупая... Дар, выгоревший по излишнему усердию, вернуть со временем можно, но ославишься при том торопыгой, доверия недостойным.

Назар покивал, раздираемый желанием поделиться, ради чего он, собственно, он так надрывался, и мучимый опасениями наговорить лишнего. Раскрывать его с Пьером общую тайну не хотелось. Но честно ли это по отношению к наставнику?

А ведь он даже выговаривал ему наедине, не на глазах у всех. Не хотел, чтобы у дурака уши лишний раз горели, подгадал, чтобы в трапезной никого, кроме них да подавальщика, не было!

– Добро, – словно не замечая его терзаний, кивнул брат Тук. – Вижу, понял. Ты, Назарий, не пользуйся тем, что я, при занятости своей, не всегда рядом. Обязанности мои таковы, что редко когда на одном месте я ночую дважды. Но всё исправимо, и тебя я без присмотра не оставляю. Догово-

римся так: с утра я даю задание – вечером ты мне отчитываешься. Нет меня – пишешь отчёт подробно. Знаю, что пока не шибко грамотен, но уж как получится, я разберу. Ошибку свою понял?

Заставил ученика повторить основные правила чтения особых молитв, а главное – в какое время и сколько раз читать каждую, и не более! не зря же в чётках, что у каждого молящегося всегда при себе должны быть, сорок бусин нанизано: четыре раза по десять, да хвостик из семи отдельных, чтобы, не отвлекаясь на счёт, нужное число повторений отслеживать пальцами... Попенял за потерянные чётки и отдал свои, из тёплого янтаря.

– Вижу, что осмыслил...

Брат Тук, наконец, благодушно усмехнулся.

– Что ж, вот тебе задание на сегодня. Не так уж устали твои крепкие ноги, пусть ещё побегают. Пойдёшь в новый дом твоей хозяйки, она из монастыря уже съехала...

Назар вдруг отчётливо увидел небольшой двухэтажный особнячок, с мансардной высокой крышей, с углами, обвитыми пышно цветущими плетями, забравшимся аж до черепицы; с садом, проглядывающим за невысокой оградой... Мигнул – и видение исчезло, оставив после себя аромат цветочных лепестков, нагретых солнцем, и отчего-то – сдобы. Будто тянуло из одного из приоткрытых боковых окон свежими булочками.

– А добираться туда вот по этой улице.

Мелькнули перед глазами фасады домов, входы в лавки и кофейни, приметный собор с двумя колокольнями.

– Потом через мост Менял...

Ух ты, да это набережная! Широкая река, баржа, лодки под парусом и челноки, а главное – мост с выстроенными прямо на нём домами! Это, что ли, и есть Мост Менял?

– И немного дальше, свернуть вот сюда. Улица не слишком заметная, госпожа Ирис пожелала место поспокойнее... Запомнил?

Отрок вновь сморгнул.

Легко вызвал в памяти самое первое видение. Белостенный домик будто дружески подмигнул – и потянулся к нему цепкими невидимыми ручонками, словно говоря: не бойся! Я тебя отовсюду учую и поманю!

– Ага. Кажись, понял.

– Погоди, торопыга, куда! Сперва послушай, за чем посылаю. Напомнишь госпоже, что она обещала дать мне на время некий предмет для изучения. Она знает. Получишь его и принесёшь, а я уж им займусь при ближайшей возможности. Да не облопайся там угощением, сын мой, а то Мэгги уже достаёт из печи пироги, тебя порадовать.

– Тётушка Мэгги тоже здесь?

Обрадованный Назар наконец сорвался с места.

– Жду тебя к вечеру, сын мой! – крикнул вслед брат Тук.

Монах-подавальщик поставил перед ним миску с чистой водой.

– Не боишься, что заплутает? Он ведь в столице впервые, из кельи все три дня не выходил. Мы уж, грешным делом, решили, что побаивается деревенский отрок большого города-то.

– А что ему бояться? Чай, Лютеция не более Константинополя будет, брат. Уж османскую-то столицу этот малый оббегал вдоль и поперёк, оттого и ноги крепкие, – усмехнулся Тук. – А хозяйка его сказывала, что очень уж он хорошо всё находит, даже незнакомые места разыскивает с лёту. Вот я и хочу эту его способность проверить.

– Дашь взглянуть? Очень уж любопытно.

– Отчего же? Смотри, брат Пётр...

И оба монаха склонились над ожившей водной поверхностью.

* * *

Своего первого гостя Ирис сама проводила до садовой калитки.

В доме всё сейчас было перевёрнуто верх дном: мылись окна и зеркала, чистились трубы и каминь, натирались полы, ввозилась мебель... Граф де Камилле прислал столько служанок, что с грандиозной уборкой должно было быть покончено не позднее, чем к вечеру. Однако на предложение дождаться идеальной чистоты и въехать лишь на следующий день восточная гостя наотрез отказалась. Она своими гла-

зами хотела видеть, как в новом жилье наводят порядок, и если нужно – отдать необходимые распоряжения сразу же, чтобы потом ничего не переделывать. А главное – чем быстрее она познакомится со стенами, в которых ей предстоит жить, пусть и временно – тем лучше они её примут. И полюбятся. Ибо у каждого дома есть душа.

Таковое языческое утверждение Филипп де Камилле предпочёл пропустить мимо ушей, но добавил к сонму прислуги ещё и помощника своего дворецкого: дабы направлять усердие и трудолюбье множества женщин в нужное русло и проследить, чтобы работы были закончены в срок.

А потому – Ирис встретила с молодым друидом в саду, немного запущенном, но, возможно, оттого-то уютном и располагающем к дружеской беседе.

И, провожая молодого человека, ничуть не жалела об их знакомстве.

– Где бы я ни была, вы всегда желанный гость в моём доме, – сказала с улыбкой. – Здесь ли, в Эстре – двери для вас открыты.

Молодой ирландец не стал уточнять, касается ли гостеприимство хозяйки его одного. Ясно было, что на старого Брана сия привилегия не распространяется. После всего, что старик натворил...

Тогда, после бесславного поражения под монастырскими стенами, Райану стоило большого труда уговорить его. Даже обессилив после бесплодных попыток подчинить фею, дру-

ид не мог успокоиться. Но потом затих. Безропотно позволил увести себя подальше от места роковой встречи. И как только он умудрился в огромном городе почувствовать магию феи, разыскать её? Или... на самом деле, всё проще, чем думает Райан, и дед воспользовался слухами и сплетнями, как и собирался?

Побеждённый едва волочил ноги. Казалось, с каждым шагом он, с виду сухонький и немощный, становится всё тяжелее. Но вот его свободную обвисшую руку закинул себе на плечо чернокожий верзила в восточном одеянии, тот самый, что сопровождал Ирис О'Рейли при сходе на марсельский берег, а совсем недавно, появившись, как из-под земли заслонял собой госпожу. Телохранитель? Но почему сейчас он здесь, рядом?

– Я помогу, – коротко сказал мавр.

Райан не возражал. Хоть от рождения силой был не обижен, но часть её сейчас уходила на удержание деда в полусонном, вялом состоянии. Главное – благополучно довести, уложить в постель и погрузить в сон суток на двое-трое, чтобы он окончательно утомился. Хоть бы выветрилась, наконец, эта фейская магия, что действовала на него, как перебродивший мухоморный настой на берсеркера! За то время, что они провели в Лютеции, внук несколько раз незаметно пытался навесить на деда амулет-накопитель, чтобы оттянуть переизбыток Силы, но ушлый старик умудрился как-то переработать чуждую энергетику: она *укоренилась* в нём, и

оттягиванию извне не поддавалась. И молодой О'Ши не без основания волновался, что так и не узнает последних секретов деда и наставника, ибо тот сдавал на глазах. Похоже, для нападения на фею он использовал сугубо свои резервы, а украденная чужая магия, хоть и держалась в нём, но бунтовала. Отказывалась подчиняться. И если не остановить этот конфликт – рано или поздно беды не миновать.

Поэтому помощь со стороны он принял с благодарностью. Тем более – от человека О'Рейли. Телохранитель вряд ли оставил госпожу самовольно, скорее всего она послала его вслед за ними. А это значит, что есть шанс хотя бы объясниться.

Но что она говорила о проклятье и изгнании из рода? Неужели дед скрыл что-то постыдное?

Тем более стоило встретиться.

Вряд ли он успел навредить самой Ирис; кажется, речь шла о её матери. Так или иначе, а они с феей – последние представители своих родов, и какие бы ни были счёты у старшего поколения, им с рыжей воевать не из-за чего. Надо держаться друг за друга. И так бы славно – вернуть её на остров, пусть ненадолго! Демоны с ним, с этим дедовым Барьером; откровенно говоря, молодой О'Ши не верил в идею вытеснить бриттанцев с острова навсегда, ибо у королевы Бесс всегда найдутся и флот, и пушки, и маги. А вот приучить бриттанцев, заставить их посмотреть на Изумрудный остров другими глазами, понять, что с ними лучше сотрудничать,

чем загонять в пустоши – другое дело. Хорошо, что королева собралась замуж за короля Генриха. Хорошо, что фея благоволит своим присутствием Франкию. А если она откроет для себя ещё и родину предков, с её зелёными холмами, колдовскими дубравами, сказочными замками... с неисчислимыми богатствами земных недр, магией кельтов, секретами рас, считавшихся давно умершими... полюбит их маленькую страну и согласится стать посредником в переговорах... Говорят, король благоволит к ней. Значит, не откажет в содействии. Франкии не интересна кельтская магия, зато нужны серебро и свинец, пшеница и ячмень, ткани и шерсть. Его Величество, в отличие от Брана О'Ши, человек практичный и выгоды для своей страны не упустит.

Понемногу, лавируя между хозяйками, спешащими на рынок и задевающими их своими корзинами, отшучиваясь от дозорных – дескать, вот, хоть и старик, а погулял ночью хорошо, приходится на руках домой нести! – они с неожиданным помощником благополучно довели старого друида до гостиницы в тупичке. На ходу, пересекая гостевой зал, Райан бросил заметавшемуся перепуганному хозяину: «Приболел дед, что поделать. Хорошо, что я его нашёл вовремя. Не волнуйтесь, дружище, лекаря не надо, я его приступы и сам лечить умею».

Брана уложили в постель, едва сумев разжать вцепившиеся мёртвой хваткой в посох пальцы. Даже в почти бессознательном состоянии он не расставался с символом было-

го могущества. Сейчас, глядя на враз одряхлевшего старца, трудно было представить, что это он когда-то останавливал штормы и гигантские волны, грозящие разрушить побережье, и именно он однажды, чтобы запугать бунтовщиков-гномов, пробудил вулканы Эйяфьядлайёкудль и Мирдальсёкудль; это под его заклинаниями раскалывалась земля, увлекая в разломы первых пришлых бриттов и англов... Благоговей перед его мощью, внук, тем не менее, не жалел, что родился оборотнем, а не стихийником. Возможно, почти безграничные возможности вкупе с безнаказанностью и взрастили в Бране О'Ши пренебрежение к человеческим жизням, к «людишкам вообще», как он их презрительно порой называл...

Потом они долго беседовали с Али, и молодой друид никогда ещё так много не рассказывал: о себе, о деде и погибшей семье, об Изумрудном острове, об их замыслах... Он не скрывал ни дедовых надежд, ни своих сомнений и планов. И дождался награды за откровенность.

– Расскажу о тебе госпоже, – сказал мавр. – Всё, что слышал; а она сама пусть решает, видеться ли вам. Не беспокойте её пока, лучше приглядывай за своим родственником. Решит она с тобой встретиться или нет – я сообщу в любом случае.

...А сегодня утром он явился за ним, чтобы проводить в дом Ирис О'Рейли.

Хорошо, что они встретились. Лучше говорить – и разъяснять недоразумения, чем годами накапливать обиды. Им,

Райану и Ирис, нечего было делить: когда бы они успели навредить друг другу? Но после обменов воспоминаниями у обоих стало удивительно тепло на душе. А главное – фея согласилась посетить Ирландию, пусть не скоро, не сразу, но приехать на Изумрудный остров. И теперь с чистой совестью можно возвращаться домой, сразу же, как дед очнётся, придёт в себя... Дороги сейчас не в пример лучше, чем в конце апреля, когда им пришлось отбывать с родины, ехать до побережья – одно удовольствие. А там уж ждёт невеста, и надо готовиться к венчанию и рождению сына...

Она была просто красавица, эта последняя ирландская фея. И Райан О'Ши мысленно, не вслух – дабы не привлечь злых существ, налетающих на людские надежды и разбивающих в прах – пожелал ей доброго и любящего мужа, а главное – побольше детишек. Глядишь, хоть кому-то передастся благодатный дар, и, возможно, фей или фея захотят, как и мать, побродить среди изумрудных холмов, да, может, и останутся, приживутся. Ведь зачарованный замок Эйтн всё ещё ждёт хозяев.

Прижав руку к сердцу, он склонился в прощальном поклоне, не куртуазном, столичном, а старинном: простом, но уважительном. Фея поклонилась в ответ. А матушка Мэгги, украдкой подглядывающая за ними из кухонного окна, даже головой покачала: вот уж красивая пара! Даже жаль, что родственники: хоть и дальние, а жениться Святая церковь, поди, не позволит. Впрочем, что-то этот синеглазый упоми-

нал о своей девушке, кажется... Мэг ведь не только подглядывала, но и послушать старалась, когда приносила молодым людям кувшин прохладительного в сад. Только не очень-то поймёшь. По-валлийски Ирис говорила пока, запинаясь, поэтому беседа велась на франкском, а в нём уже Мэг сама не очень-то пока была сильна.

Прощаясь с хозяйкой, молодой человек чувствовал на себе испытующий взгляд этой не слишком молодой женщины. Хоть и соотечественница, хоть и простила деда и зла вроде бы не держит, но проводить его не вышла: должно быть, до сих пор побаивается. Что ж, можно понять. Хорошо, что тогда, в Эстре, он сумел ей помочь, поддержав своей Силой и вовремя уведя старика от дома, где изо всех углов так и тянуло вкусной фейской магией...

Не успел он сделать и нескольких шагов, как мимо, стуча башмаками, промчался мальчишка-подросток с сияющей физиономией, голубоглазый, с забавной отросшим льняным «ёжиком» на недавно бритой голове. Он так торопился, что едва не сбил с ног уходящего гостя. Тот с любопытством обернулся вслед. Показалось, или эту физиономию, хоть и немного смуглее, он уже видел?

– Ханум! – в восторге завопил мальчишка, размахивая руками и от нетерпения подпрыгивая возле недавно закрывшейся калитки. – Госпожа! Я тут!

Не успевшая отойти, Ирис порывисто обернулась – и всплеснула руками:

– Назар! Назарка!

И, кинувшись навстречу мальцу, обняла его от всей души. Закричала по-османски:

– Мэг, иди сюда, скорее, смотри, кто пришёл! Назарка, какой ты молодец, что отыскал нас! Тебе Тук рассказал, как нас найти? Ну, проходи же скорей!

И так радостно и сердечно звучали её слова, что младший О’Ши не удержался от улыбки. Да уж, хорошо, что домик неприметен, в самом тупичке улицы, вроде их гостиницы; да и селятся здесь горожане средней руки, не вельможи, а то кому-то показалось бы странным, что богато одетая госпожа обнимается с простецким мальчишкой – наверняка слугой или посыльным... Выбери она для проживания улицу богаче – отбоя не было бы от зевак и карет.

Несмотря на то, что жили О’Ши скромно, это было отнюдь не от недостатка средств, нет. Потомки древнего королевского рода, они не нуждались, и были вхожи во многие дома высокородных семейств; оттого-то Райан знал, каково порой отношение к слугам в богатых домах. Люди везде устроены одинаково; вот он и порадовался сейчас и за мальчишку, встреченного с теплотой, и за его хозяйку, невольно приоткрывшую ещё один кусочек прекрасной души.

Да это же арапчонок, вдруг узнал он и улыбнулся ещё шире. Точно. Тот самый, что был в свите, следующей за долгожданной восточной гостьей. Только посветлел отчего-то...

Райан О’Ши ушёл с миром и залеченными ранами на серд-

це. А обрадованные Ирис и Мэг всё ещё хлопотали над смущённым Назаром.

* * *

От новостей голова шла кругом.

Назар уминал пирожки с курагой и изюмом – и куда в него столько уместалось? – слушал женщин, глядящих на него одинаково умилённо и с затаённым восхищением... и, хоть сидел в совершенно незнакомой кухне – чувствовал себя так, словно только что вернулся домой. Он, наверное, как верный пёс: те, говорят, привязываются к человеку, а вот коты – к месту, к дому... Вспомнив о котах, завертел головой, отыскивая взглядом Кизилку, но, к удивлению, не обнаружил поблизости знакомого рыжего хвоста: ни на коврике у тёплого очага, где кот, бывало, любил полежать, не страшась подпалить шкуру; ни среди кастрюль на высоких полках, где любил дрыхнуть средь бела дня...

Оказывается, наглая морда до сих пор гостит в аббатстве. Не захотел, видите ли, следовать за хозяйкой, всё крутился в саду, охотился за кем-то. Монахини шептались – он, де, подолгу сидел на тропинках, замерев, наклонив голову совершенно по-человечески, будто прислушиваясь к кому-то невидимому. Понаблюдав за ним, матушка Констанция попросила Ирис оставить своего питомца ещё на несколько дней. Ибо есть подозрение, что общается он не с кем-то, а с

самой Святой Гертрудой, покровительницей не только монастыря, но и домашних животных, а особенно котов и кошек. Такой вот великой любовью к ним она отличалась ещё при жизни. Даже на церковных витражах и в летописях сия благочестивая дева, отказавшаяся когда-то ради служения Жениху Небесному от брака с самим королём и основавшая монастырь, изображалась в компании целого сонма кошачьих, изгоняющих крыс и мышей. Пусть Кизил остаётся, плохому святая не научит!

Узнав о таком, Назар только покачал головой, а про себя подумал: ну, ничего себе! Он-то считал, что чудеса только в Инквизиции случаются!

Женщины наперебой потчевали нового гостя, а заодно охотно сообщили, с кем он совсем недавно разминулся. Обомлевший парень рванулся было вслед, бить ненавистного О'Ши, но его в четыре руки удержали – и объяснили разницу между внуком и дедом. Даже Али, присутствовавший тут же, кивком подтвердил и одобрил, что, дескать, с младшим можно иметь дело, он мужчина правильный и надёжный, а вот старший, хоть и родственник, но пусть держится от их дома подальше, это уже оговорено.

Да и защитный барьер вокруг дома с садом хозяйка установит. Так оно спокойнее. Не слишком сильный, временный, это же не как в доме эфенди – на много лет, а на месяц, не больше... Но сколько бы ни простоял – пробраться через него будет нелегко. Надо только дожидаться, пока разойдутся

все прошлые слуги, чтобы магический контур «запомнил» тех, кто останется внутри, и определял бы потом, как «своих», свободно впуская и выпуская. Так что хорошо, что Назар пришёл именно сейчас, дом и его запомнит.

И даже жаль, что милый маленький особнячок не собственный, а лишь снятый на какое-то время. Но если хозяйка его не продадут кому-то ещё – возможно, Ирис его со временем выкупит, чтобы останавливаться здесь, потому что Лютеция ей нравится уже сейчас, хоть она мало чего успела пока увидеть. Хочется узнать больше, и побывать в местном соборе Нотр Дам и сравнить с Роанским, и заглянуть в университеты на лекарские факультеты, и посмотреть картины здешних художников, потому что в Османии живописи нет, и скульпторов тоже... А скоро в Зелёном театре Лувра будут разыгрывать новую пьесу господина Шеакспера. Труппа приехала по приглашению покровительствующей комедиантам королевы Бесс, из Лондона, но все роли переведены на французский язык, и даже для низших сословий будет несколько представлений – разумеется, уже не во дворце.

А пока – Ирис благополучно прячется от косяков поклонников, которые рыщут по городу, проведая откуда-то, что Рыжекудрая вот-вот покинет монастырь. Из-за этого она и попросила Тука и Бомарше, подыскивающих ей жилище, выбрать скромный домик в неприметном месте. Вот они и нашли.

А пока что – в доме хлопочет прислуга, присланная гра-

фом. И, разумеется, во время работы судачит, судачит... Это же женщины, они по-другому не могут! Вот так походишь между ними, вроде как присматривая – и слушаешься всякого. О том, что в доме графа творятся интересные вещи: де Камилле, представьте, стал *видеть* простых людей, и даже не брезгует иногда спросить о чём-то, и не только о делах. Мало того: откуда-то из глухомани выписал больную старуху, говорят, ослепшую, пристроил в лечебницу при монастыре гертрудианок, и велел приготовить для неё после лечения две комнаты в закрытом ранее крыле покойной матери. Само крыло недавно приведено в порядок: отмыто, отчищено после десятилетнего-то пустования, проветрено, мебель обновлена, цветы во всех комнатах... Не надумал ли граф жениться? А та старуха оказалась вовсе не старухой: пожилая, да, но ещё крепкая и почти и не седая, только, говорят, бельма на глазах были, но монахини чем-то их промывали-промывали, молились – да и отмолили. Наннет, оказавшаяся бывшей графской кормилицей, прозрела. Эх, не иначе Господь его сиятельство вразумил, или где-то к чему-то граф сильно приложился головушкой, ведь на пустом месте человек так не меняется...

Хозяйка Назара просто млела от таких разговоров. По всему видать – радовалась за графа. Назар и сам покрутил головой: вишь ты! Что ж, за хорошего человека грех не порадоваться.

Из угощения на кухне, пахнувшей ванилью и кардамоном,

всего-то и было, что на скорую руку состряпанные пирожки, но Назар всё-таки облопался и лишь тогда вспомнил дружеское предостережение наставника. А заодно и его поручение.

– Я ж совсем забыл! – вскочил со стула. – Ирис-ханум, брат Тук просил напомнить, что вы ему какую-то шутовину обещали на время, чтоб изучить. Он меня как раз за ней послал!

Хозяйка наморщила лоб, вспоминая.

– Ах, да! Конечно. Сейчас он мне ни к чему... погоди, только найду, во что завернуть, чтобы в глаза не бросался.

Она исчезла в дверном проёме, а тётушка Мэгги покачала головой:

– Эх, всё-то им игрушки да науки... Большая уже, о чём серьёзном думать пора, а у неё одна премудрость на уме. Да это... искусство, да книги. Ну, как ей посоветуешь что путное, если она о женихах и слышать не желает?

Назар поперхнулся тёплым молоком.

– Да ты что, тётушка? Она же вдова, зачем ей опять замуж?

– Вдова... – Мэг сердито нахмурилась. – Бога гневить не буду, эфенди золото был, а не муж; да только пожил вместе с ней совсем недолго... А женщине опора по жизни нужна, да и детки не помешали бы. Что ж пустоцветом-то быть! А из неё хорошая мать получится: видела я, как она Айлиновых малышей нянчит, а сама на подругу глядит аж с завистью. Эх, что там, хватала бы хоть этого графа, пока другим не

достался, да и дело с концом! Он-то, поди, за приданым не охотится, сам не из бедных!

Назар фыркнул.

– Скажешь тоже, тётушка Мэг, замуж!

– Ты только... – Ирландка поменялась в лице и приложила палец к губам: – Молчи! Она страсть как не любит такие разговоры! И ты, Али, помалкивай!

А Ирис уже летела в кухню, довольная, разругавшаяся.

– Уже заканчивают, осталось ковры настелить и в кладовых прибраться, и будем всё смотреть, смотреть! – Она радостно покружилась. Видимо, то, что успела увидеть на ходу, ей уже нравилось. Выложила перед Назаром свёрток. – Вот, держи. Отнесёшь брату Туку и передай, что мне не к спеху, до возвращения в Эстре не понадобится.

Какой-то твёрдый продолговатый предмет был завернут в кусок синего бархата, скреплённого витым шнуром. Назар прощупал под плотной тканью характерные очертания, выпуклости и грани и... догадался.

И даже возгордился. Ему доверили такую ценную вещь!

– За пазуху сунь, – посоветовала госпожа. – Мэг, да не смотри так, никто у него ничего не отнимет и не украдёт, я заклятье на ткань закрепила.

* * *

От вкуснейших пирожков, мягких, пухлых, нежных, так и

просящихся на зуб, Назар малость потяжелел, а потому возвращался уж не бегом-спехом, а неторопливым шагом, здраво рассудив, что наставник-то наказал обернуться до вечера, а сейчас – гляди-ка! – ещё и сумерки не схватывались. Можно пройтись да на город поглазеть. И на Мост Менял подивиться – как же выдерживает этакую тяжесть? Ишь, сколько домов и лавок на него налеплено! И глянуть на собор с величавыми башнями и колокольнями, с каменными химерами-стражами и горгульями на крышах. И на высокие дома с грозно нависающими верхними этажами, и на горожан – пеших, в повозках и портшезах, и на кареты, изящные и раззолоченные, хоть встречались и попроще. Приходилось уворачиваться от настырных нищих, каким-то чутьём разглядевших в неброско, но добротном одетом парне человека состоятельного – хоть у того при себе, вроде бы, и медной монетки не завалилось; и перепрыгивать через нет-нет, да попадающиеся кучки конских яблок. Лошадей, запряжённых, под одиночными всадниками, под дозорными, под свитами вельмож и важных лиц оказалось в городе полно. Как, впрочем, и в Константинополе. Много схожего, да. Вот только женщины здесь были непривычно раскрыты, и на первых порах Назар едва не шарахался от крепких румяных дев в чепчиках, спешащих по хозяйственным надобностям с корзинами да узлами, от кумушек, без стеснения обсуждающих местные сплетни – причём, одна могла высунуться почти по пояс из окна второго этажа, другая отвечала ей с мостовой, при этом

каждая старалась кричать позычнее, дабы перекрыть уличные шумы... Но, несмотря на открытые лица, на крепко сбитые фигуристые тела, на не драпируемые, как на Востоке, чадрами и никабами груди и бёдра, хоть и прикрытые одеждой, но достаточно выпуклые и привлекающие внимание – никто не спешил обвинять этих женщин в распутстве или приставать с непристойными предложениями... во всяком случае, прямо на улицах. Всё вокруг было чинно и благородно, а порой – весело, с шуточками и прибауточками, но шумливее и многолюдней, чем в Эстре. Впрочем, Назару нравилось. Он скоро почувствовал себя, как рыба в воде.

Одно не давало ему покоя. Нет, не ценная вещь при себе: завёрнутая себе в бархат, она спокойно дожидалась своего часа у него за пазухой, да и хозяйка, раз уж сказала, что заворожила – не скрадут. Тревожило ощущение молчаливого присутствия ещё кого-то... или чего-то. Само многообразие уличных звуков, перемешанное с колокольным звоном, шипениями уличных жаровен, стуком копыт, поскрипыванием колёс, звяканьем шпор, шелестом юбок – привычно сливалось для Назара в единый голос – глас, если можно сказать, самой Лютеции, огромного столичного города. Его он хорошо знал и по Константинополю, только в то время не задумывался над определением, а теперь вдруг твёрдо сказал сам себе – Глас... Но всю дорогу, от дома Ирис-ханум до замка Инквизиции он временами слышал ещё один, неуловимо тихий, не голос, а так, шепоток, доносящийся откуда-то снизу,

словно из-под ног. И не мог понять – что это?

Надо бы спросить у наставника.

Подходя к особняку, с виду неприметному, разве что ухоженному больше, чем остальные на улице Сен-Мишель, Назар вдруг задумался ещё над одной закавыкой. В день, когда Тук привёз его сюда и познакомил с Пьером, выюноши обошли несколько корпусов – кое-куда их не допустили, как непосвящённых, но всё же разрешили заглянуть и в Зал заседаний Совета, и в библиотеку, и в громадное книгохранилище. Находились тут собрания редких артефактов и странных предметов, и оружейная; раскинулся обширный двор, по которому совсем недавно Учитель гонял Назара, а в недоступных обычным людям двух крылах здания таились допросные, особые камеры для магов и ведьм, какие-то лаборатории... Но вот сейчас, глянув снаружи на величественное, но относительно небольшое строение, Назар задумался. Как в нём столько всего помещается? Снаружи – дом, изнутри – настоящий замок...

Тоже какая-то магия.

Задумавшись, он собирался прошмыгнуть мимо монахов-часовых возле высоких входных дверей, но один его остановил. Не ощупывая даже, а окинув каким-то особым, пронзительным взглядом:

– погоди, юный брат, не торопись. Оружие-то тебе разрешено проносить?

– Ему можно. Это брата Тука воспитанник, – вмешался

второй. – Он предупредил, что парень принесёт с собой кинжал, единожды пронести может. С отцом Дитрихом согласовано.

– Проходи, брат, – коротко ответил часовой.

Подивившись, но просто кивнув, не задавая лишних вопросов, Назар просочился в просторный холл. Вот оно как! Насквозь видят! Завернул в коридор к кельям, где и столкнулся нос к носу с Пьером.

Тот поспешно отскочил. Обрадованный встречей, Назар довольно потряс узелком с пирожками тётушки Мэг, что снарядили ему в дорогу – для себя и для хорошего товарища, о котором он Мэгги и Ирис-ханум все уши прожужжал – и озадаченно замер. Отчего-то Пьер виновато отвёл глаза и попытался прошмыгнуть мимо, держа руку за спиной.

– Ты что? – даже растерялся Назар. И чуть не ахнул, осеждённый внезапной догадкой: – Сбежать хочешь, да? Без меня? Очумел? Мы ж договорились – вместе Мари искать!

Друг упрямо набычился.

– Нельзя тебе, – сказал глухо. Вскинул голову. – Мне всё про тебя рассказали! Ты едва не выгорел; думаешь, не знаю, из-за чего? Хотел мне помочь, и чуть не надорвался. Не дело это. Не могу я, чтобы из-за меня другой загнулся, сам пойду искать.

– Вот дура-ак... – протянул Назар. – Ну, дурачина, что сказать... Молодец, хорошо придумал. А я тебя потом ищи по всему городу, ещё больше надрывайся. Нет, так не годит-

ся. А ну, пошли!

Пьер только покачал головой и двинул к выходу. Друг попытался перехватить его за плечо, но получил чувствительный тычок в грудь. И так бы им и подраться, кабы не какой-то монах, заглянувший для чего-то в коридор, а заодно и решивший уточнить у отроков, не встречали ли они тут некоего брата Арнольфини. Ответ он получил вежливый и отрицательный, спокойно удалился искать собрата, а ребята к тому времени остыли.

– Ты вот что, – обеспокоенно сказал Назар. – Ты горячку-то не пори. Есть у меня одна мысль...

– Пойду я, – хмуро ответил Пьер, уже не скрывая узелка с сухарями. – Спасибо за всё, брат.

– Вот ты говоришь – брат, брат... – В отчаянье Назар перехватил друга за руку. – А мы с тобой даже не побратимы! Давай сперва побратаемся!

Пьер подумал.

– Зачем? – спросил не враждебно, просто интересуясь.

– Как зачем? У нас говорят: побратим побратима всегда учует, даже издалека. Случись с тобой беда – я узнаю, на помощь приду. Ты пойми, я теперь человек не вольный, не сам по себе: у меня и наставник, и хозяйка, они такую бучу поднимут, ежели я пропаду! Так просто не уйти, подготовиться надо. А если я тебя всё это время чувствовать буду, так и нагоню потом быстрее!

Брякнул-то больше для того, чтобы хоть как-то друга при-

держат, а сам вдруг понял: да ведь так оно и есть!

Пьер усмехнулся.

– Отыщешь ты меня, как же... Мари вон до сих пор не нашли. А я и подавно никому не нужен. Разве что... хорошо, если похоронят потом по-христиански, не дадут косточкам пропасть. Ладно. Давай побратаемся. А ты знаешь, как?

...На всякий случай Назар сперва заглянул в собственную келью. Надо же отчитаться! Но наставника там не обнаружил. Видать, ходит где-то по своим важным делам. Вот и ладно, а то, неровен час, опять отругает, скажет: «Не дело это, отрок неразумный; что ты задумал? мы и без того все – братья во Христе, а твоё братание очень уж на языческий обряд похоже». Чуть не наяву услышав знакомый укоризненный бас, он поёжился. А ну как, в самом деле, натворит он сейчас что-то запретное?

Но что плохого в том, чтобы помочь другу?

Однако вершить обряд они всё же направились к Пьеру. К нему-то уж точно никто не заглянет, не помешает.

– Главное в этом деле что: кровь смешать нужно, – заявил Назар. – У нас в монастырской школе отроки постарше рассказывали, что так испокон веков друзья-побратимы делали, когда в дорогу или в битву отправлялись. Чужая кровь в тебе всегда подскажет, ежели с другим что не так. Да ты не бойся, там совсем немного нужно. Всего-то ладони разрезать и мне, и тебе – и соединить, чтобы кровь смешалась.

– А-а, – с облегчением выдохнул Пьер.

Он, очевидно, побаивался, что Назар начнёт творить сейчас что-то запретное и опасное. Но если просто порезаться – это не так уж страшно. Можно ведь несильно чиркнуть, главное – чтобы этой самой крови хватило... Спыхватился:

– У меня и ножа-то нет, придётся в трапезной просить. А руку... можно левую? А то долго заживать будет, а мне, может, драться придётся!

– Не бойсь, – отозвался его будущий побратим, выуживая из-за пазухи продолговатый свёрток синего бархата, затейливо перевитый шнуром. – И ножичек найдётся, вот, хозяйкин; да он ещё и особый, для нежити опасный, а человеческие раны заживляет, вот уви... Ты что?

– Что это? – выдохнул Пьер. – Откуда ты взял?

Заворожённо протянул руку. Коснулся подрагивающими пальцами золотых ножен, прошёлся по выпуклым изумрудам, по россыпи алмазов на рукоятке, сверкнувших вдруг нестерпимым светом... Назар запоздало понял, что вряд ли его друг видел вблизи оружие, как таковое, да ещё и в золоте и драгоценных камнях.

– Ты это точно не украл? Тебе не влетит? – торопливо уточнил Пьер. – А то неси назад, пока не хватились! Моя хозяйка за пропавший гребешок с камушком полдома велела перепороть, а тут...

Ох ты ж... Назар даже сглотнул. Ну и порядки здесь в богатых домах!

– Да что ты, Ирис-ханум мне сама его дала! Для брата Ту-

ка. Но его, сам знаешь, нет пока, а на стороне нож просить – расспросов не оберёшься. Брось, брат. Сейчас всё потихоньку сами сделаем – а нож потом завернём, как было, и отдадим, будто и не трогали. Крови на нём не остаётся, я видел. Он зачарован.

– А-а...

Преодолев соблазн зажмуриться от страха, Назар резанул позолоченным лезвием по своей ладони. Болью обожгло, но терпимо. Перевёл дыхание.

Протянул кинжал товарищу, рукояткой вперёд.

– Если быстро – ничего и не почувствуешь. Давай!

А у самого отчего-то зашумело в ушах. Хоть и крови-то проступило не так уж и много...

Они скрепили руки в цепком пожатии – да ещё сдавили сильнее, энергичнее, чтобы кровь и впрямь смешалась. Перед глазами у Назара всё поплыло, да и друг его заметно побледнел – похоже, ему тоже несладко. Непонятно только, отчего: порезы-то неглубоки... Впрочем, нельзя отвлекаться. Нужно доделать начатое.

– Клянусь, – Назар с трудом разлепил немеющие губы. – Быть рядом и в беде и бою, прийти на помощь, и жизни не пожалеть побратима ради. А ты?

– Кля... нусь... – прошептал Пьер. И, вскрикнув, зажмурился, будто ослеплённый.

Его голос потонул в целой какофонии звуков, обрушившихся на Назара.

Уже разошлись по домам усталые хлопотуньи-служанки, довольные щедрой наградой и угощением; уже Али проверил на прочность магический барьер, невидимый глазу, но плотным кольцом опоясавший дом и сад; и в ясном небе всплыл месяц, жёлтый, как обреза́к сыра, а цикады завели нестройную многоголосую песню, обещая грядущий тёплый день; и взбивались подушки и перины, обещая сладостные сны и негу на новом месте, и углы спальни окуривались жасмином и амброй, дабы навеять любимый хозяйкин аромат... когда деликатно, но настойчиво застучало под чьей-то рукой одно из медных, начищенных до блеска колец на входных дверях.

Ночные гости?

Ирис несказанно удивилась.

Но, поскольку, за собственной защитой, которую она чувствовала и могла усилить в любую минуту, можно было не страшиться нападений, она отправила Али глянуть, кто это там пришёл в неурочное время. Даже ей, не слишком сведущей в столичных обычаях, показалось, что слишком уж поздний час для визитов. Но вот нубиец вернулся – и почтительно доложил, что прибыла её подруга, маркиза де Клематис, и не одна, а в сопровождении герцога Эстрейского-старшего. Впрочем, господин Арман, убедившись, что его спут-

ницу встретили, как полагается, сослался на назначенную ему важную встречу и откланялся, пообещав навестить хозяйку на следующий день.

– Аннет! – радостно вскрикнула Ирис, обнимая подругу. Но тотчас отстранилась в недоумении. Несмотря на тёплую июньскую ночь, молодая женщина куталась в меховую накидку. И не оттого, что её знобило, нет! Пушистый холодный мех сверкал капельками подтаявшего инея. Да и руки подруги оказались ледяными.

– Перчатки забыла, – виновато пробормотала Аннет. – Кто ж знал!.. Арман предупредил, что в полёте будет холодно, а я вот... не сообразила.

Ирис округлила глаза.

Не очень-то она верила слухам о второй ипостаси Старого Герцога, но теперь... волей-неволей пришлось поверить.

– Вы прилетели вместе? – восторженно уточнила. – О-о! Расскажи! Нет, постой... Мэгги, готовь немедленно горячий чай, нашей гостье надо согреться! Сейчас, Аннет, мы разожжём камин...

Домашнее волшебство, установленное ею заранее, повинаясь щелчку пальцев, обьяло пламенем заготовленные в каминном проёме дрова.

– Садись ближе, – Ирис подтянула кресло к разгорающемуся огню. – Я так тебе рада! Но почему ты здесь? Случилось что-нибудь?

Аннет с наслаждением рухнула в кресло, обложенное по-

душками. Протянула озябшие руки к огню.

– Надоело сидеть в клетке. Решила: хватит. Пора ехать домой и приниматься за дела, там без меня Хью и Джон с ног сбились. Да вот напоследок загорелось тебя навестить, посмотреть, как ты тут устроилась, да рассказать кое-что – так, о нашем, о женском...

Она помолчала. Дождалась, когда Мэгги наскоро накроет на стол – благо, чайник с кипятком у хлопотливой ирландки, пристрастившейся к травяным чаям, был всегда наготове. Сомкнула ладони вокруг горячей пиалы, помедлила. Обвела взглядом уютную гостиную.

К бледным щекам её постепенно возвращался румянец.

– Хорошо у тебя, мило... Настоящий дом. Ты и впрямь волшебница: только заселилась – а уже всё обжитое, будто с младенчества. У меня долго такого не было. Гостиница первого мужа так и не стала мне родной, трактир он и есть трактир, одно слово – проходной двор. А Шато-Клер пришлось долго приводить в порядок, по комнатушкам, по кусочкам, но уж в него я вложила не только деньги... Хорошо у тебя.

– Энн... – Ирис заботливо укутала ей ноги шалью. – Я счастлива, что ты здесь. Но я же вижу – у тебя сердце не на месте. Ты ведь сбежала тайком, да? Иначе чинно-мирно приехала бы в карете, как знатная госпожа, и белым днём. Ну, давай, рассказывай.

– Что с тобой поделать...

Маркиза со вздохом осушила пиалу, сбросила, наконец,

меховую накидку и отстегнула пелерину с платья.

– Теперь жарко... Слушай же. Ты так восторгалась Генрихом, и всё не верила, когда я тебе говорила, что король – не мужчина. – Она смешалась. – Я хотела сказать – в первую очередь он государь, а потом уже рыцарь, кавалер, и прочая, и прочая. Такие, как он – люди особого вида, они и на мир, и на остальных людей смотрят по-другому. Не сказать, что плохо, просто иначе. Для страны это, может, и хорошо, а вот для нас с тобой...

Ирис переполошилась.

– Он тебя оскорбил? Унизил?

– Ах, нет. Почти нет, если не считать унижением разговоры о предстоящей женитьбе на Бриттании и этой рыжей Бесс. Но с этим я давно смирилась, и знаю, как жить дальше. Речь сейчас не обо мне.

И вот, собравшись с духом, Аннет выложила подруге все подробности разговора в Лабиринте, подслушанного ими со Старым Герцогом.

– Я подумала: ты должна это знать, – добавила после паузы. – Ужасно быть куклой, за которую всё решают. Да, случается, что женщине порой просто некуда деваться; тут-то и выходят за того, кого предложили, будь он даже старый, больной и горбатый. Смиряются, и терпят, и живут. Но мы-то с тобой свободны! По какому праву эти мужчины решают за нас? Мы свободны, Ирис!

– Вот и матушка Камилла говорит о том же, – пробормо-

тала феечка и спрятала лицо в ладонях. – Ох, как это всё...

Щёки горели, и не из-за тепла камина.

Так вот для чего, вернее, для кого обихаживалось женское крыло в доме де Камилле! Не для гостыи – а для будущей жены.

А ведь она было совсем простила Филиппу его бестактность, решив, что он приглашает её в свой столичный особняк всего лишь от избытка гостеприимства! Возможно, даже набравшись восточных обычаев, где для почётного гостя не жалели самого лучшего... А оно вот как, оказывается. И его постоянное, хоть и ненавязчивое, внимание, и прогулки по Роану, и интересные беседы...

И странное нежелание стать её крёстным... Разумеется, ведь тогда он не смог бы на ней жениться!

– Ну почему они все... – начала с горечью. – Все думают о себе, будто настолько неотразимы, что женщины сами на них виснут и за счастье почитают быть им подаренным... Аннет, неужели они все – павлины? И даже твой Генрих? Ой, прости!

Маркиза фыркнула.

– А что – Генрих? Он и есть главный павлин среди всех. Наверняка возле каждой цыпочки хвост распускает.

– Не скажи. Говорят, у него уже давно нет фаворитки.

– А-а, не верю. Возможно, он слишком хорошо её прячет. – Аннет дёрнула плечом. – Не хочу больше о нём... Но ты – ты не удивлена? Я-то думала, моя очередь отпаивать

тебя чаем и чем-нибудь покрепче.

– Я не привыкла к вину, да и не хочу привыкать, – слабо улыбнулась Ирис. – Печально, конечно, что всё так складывается, неприятно, но... Да, не удивлена. Было бы странно, если бы меня не попытались использовать в политических целях. А я-то удивлялась, почему султан разрешил мне, наконец, называться настоящим именем...

Задумавшись, повертела в руках фарфоровую чашку.

– А ведь Филипп, в сущности, неплохой человек. И очень сильный. Столько лет сопротивляться привороту, да ещё постоянно подпитываемому, не каждый сможет. Я лишь недавно поняла – или мне показалось, что поняла – отчего он такой бесстрастный. Он настолько привык держать в узде чувства, что теперь, когда сбросил оковы чужой воли, остаётся таким же по привычке. Это уже часть натуры. Но он оттаивает, правда, Аннет, я вижу!

Она смешалась, опустила глаза.

– Он тебе нравится? – прямо спросила подруга.

Ирис покачала головой.

– Не более остальных. Мне нравится и маршал Винсент, и герцог Жильберт – вот прекрасные образчики мужчин; отчего-то кажется, что уж они никогда и никому не позволят распоряжаться женским сердцем и судьбой. Я, должно быть, наивна, да?

– Так, самую малость. Помнишь, я рассказывала, что, по приказу Генриха, мне должны были подчистить память, а за-

тем выдать за достойного человека? Так вот, этим «достойным» назначили Винсента, и он уже чуть было не посватался... – Она фыркнула. – Матушку Аглаю сразил бы удар! К счастью, ни до первого, ни до второго не дошло.

Ирис вздохнула.

– Что это мы всё чай да чай пьём? Ты, наверное, проголодалась. Давай, попросим Мэг принести что-нибудь на ужин. Должно быть, лететь от Эстре до Лютеции долго и утомительно...

Ей удалось сохранить лицо и не расплакаться при Аннет. Давно её так не обижали. И даже то обстоятельство, что Филипп в конце концов отказался от навязанной женитьбы, мало того – рискнул головой, переча королю, не утешало. Согласился же он изначально с приказом государя, и был готов жениться на безродной вдове, хоть и небедной – но ведь она прекрасно помнит, каков он сноб! Ага, значит, стоило ей стать признанной принцессой, дочерью Баязда – и сиятельный граф тотчас вспылал к ней великой любовью, не побоявшись заговорить о её свободе выбора!

Теперь она понимала, что значит – быть пешкой в чужой игре.

Она ещё выплачется. Но не сейчас. Позже.

...Отправляясь в тайное путешествие со Старым Герцогом, но стараясь скрыть своё отсутствие втайне от возможных соглядатаев короля Аннет разыграла недомогание. Анри с двумя верными горничными поддержат видимость, буд-

то мама-маркиза занемогла, слегка простудилась, и желает провести в постели два-три дня, никого не принимая: причуда, вполне естественная для благородной дамы. Поэтому ничто не помешает ей побыть здесь с Ирис подольше и дожидаться Армана д'Эстре, отбывшего на какую-то важную встречу. Правда, есть у неё в Лютеции ещё одно небольшое дельце...

Упоминая о деле, она отвела глаза. Ирис женским чутьём поняла – лучше не спрашивать.

Конечно, для маркизы нашлась в этом доме чудесная маленькая спальня, такая же уютная, как и хозяйская. Но почти до рассвета подруги секретничали – то за очередным чайничком зелёного чая, то за крошечными рюмками травяного ликёра – подарка матушки Констанции; и говорили, говорили... О негодях мужчинах и о том, что глупые женщины им всё прощают; о женской гордости и о вещах, которые всё-таки прощать нельзя, о несправедливости судьбы, сводящей не тех, не там и в не то время. Конечно же, плакали. И утешались, говоря себе: может, не такие уж *они* и павлины? Есть в них что-то хорошее...

Такова уж женская дружба, редкая, но на века. Выговоришься – и исцелишься сердцем и душой. И вновь прекрасна и безмятежна...

Заснула Ирис лишь под утро. И снились ей на новом месте три прощальных письма эфенди, в которых, как казалось, она упустила что-то важное, дикий, заросший буйной зеле-

ную остров в океане, и суровый разноглазый взгляд Хромца.

Глава 4

Назар шёл по бесконечно длинному тоннелю, сжимая в одной руке, подрагивающей от усталости, фонарь, другую не снимая с рукоятки хозяйкиного кинжала, отчего-то заткнутого за пояс. Выходит, так и не отдал наставнику...

Впереди по кое-как обтёсанному каменному полу прыгало нечто круглое, с торчащими обрывками ниток, призывно крутилось – и словно манило, звало за собой... Тусклый свет ложился на неровные стены, сквозь клочья мха и плесени кое-где проглядывали белёсо-жёлтые неровности известняка. Пахло сыростью и подвалом. Впереди, там, куда уводил подпрыгивающий мячик, царил мрак, отступающий с каждым новым шагом, но открывалось при этом немногое – всё те же стены узкого коридора, вырубленного, казалось, в нескончаемой горе. А за спиной – Назар это знал так же ясно, как то, что бродят они в этом месте уже не первый час – смыкалась темнота.

Даже хорошо, что фонарь оттягивает руку. Значит, масла в нём пока достаточно. Вот если бы он был ещё и зачарован! Но вряд ли братья-монахи... или правильнее их называть – братья-инквизиторы? Нет, как-то не очень благозвучно. В общем, вряд ли они разменивали драгоценную святость на освящение простых фонарей, в которые достаточно залить нужное количество горючей жидкости. Да и не так

много её нужно, чтобы брату Петру успеть обойти погреб, выбрать нужную бочку и нацедить вина, да отнести в трапезную...

Какой брат Петр? Какие бочки?

Мысль промелькнула – и растаяла. Всё шло должным образом, по задуманному плану...

Какому плану?

Впрочем, и это недоумение как-то быстро растворилось, словно утянутое остающейся за спиной тьмой.

Возможно, одному в этом месте пришлось бы страшно. Однако рядом, плечом к плечу, уверенно шагал побратим, и нёс бурдюк с маслом – заправлять лампу, и запасные фитили, и сухари с водой. А ещё – прихваченный из кладовки тяжёлый тесак. Уж с ним-то, не то, что с благородным кинжалом, Пьер привык иметь дело, даром, что с виду хлипкий: приходилось рубить свиные да бараньи туши на хозяйской кухне. Лакей на побегушках – он у всего дома на подхвате...

И ещё, скосив глаза вниз, Назар увидел крутящегося возле ног пса. Явно из господского дома – высокого, статного, как конь, с длинной выющейся шеей. Псу было не по себе. Назар чувствовал его страх и неуверенность – но в то же время и готовность вести их за собой, защищать... Этот-то как сюда попал, под землю? Зачем увязался?

Откуда-то явственно потянуло сквозняком. Лохматый мячик прыгнул вбок – прямо в раззявленную пасть новый прохода, побратимы дружно шагнули за ним... и упёрлись в

решётку, закрывающую вход. Чугунные прутья с палец толщиной казались непреодолимы, но Пьер пробормотал:

– Где-то оно здесь, я по сну помню...

Пошарил на стене, нажал на какой-то выступ – и литая решётка легко, без скрежета и шороха скользнула вверх. Похоже, за подъёмным механизмом тщательно следили. Но кто? Однако сейчас Назара куда больше озаботили острые, и, кажется, даже заточенные, так характерно они поблёскивали – нижние концы прутьев, мелькнувшие при подъёме перед глазами. Вот обрушится вся эта махина вниз – и пришпилит к полу, аж косточки захрустят...

Пёс шагнул было вперёд – но заворчал, отпрянув, с поднятой лапой, как бы отстраняясь.

– Идите, пока держу, – пропыхтел Пьер. Судя по всему, приходилось прилагать усилия, чтобы придерживать нужный камень утопленным в стене. – Как выйдешь, брат – сделай один шаг вперёд, один влево, и наступи на булыжник на полу, он чуть выше других. Тогда я тоже пройду.

– Ты откуда знаешь? – растерянно отозвался Назар.

– Оттуда, – буркнул товарищ.

И почему-то Назар всё понял. Из того же сна он помнит. То самого, что сейчас видит.

Мысль мелькнула и канула. Он шагнул вперёд, затем влево, как и велено, наступил на нужный камень. Пришлось навалиться как следует, тот не сразу поддался. Над головой что-то щёлкнуло.

– Теперь не сорвётся. – Пьер бесстрашно шагнул в проход, и даже, дурачина, задрал голову, высматривая скрывшуюся в обширной щели над головой хищные острия. – И кто это всё придумал?

Пёс настойчиво подтолкнул его под колени.

– Иди уж, – буркнул Назар, озвучив то же самое по-человечески. – Смотрелец нашёлся.

Здесь оказалось суше, просторнее, светлее – белели стены без следов плесени и наростов мха и из-за этого просматривались дальше, чем в предыдущем тоннеле. А главное – где-то там, впереди, ход расширялся, переходя в пещеру.

Откуда сейчас явственно донёсся стон...

Голосок был тоненький, девичий.

Лохматый мячик устремился прямёхонько туда. Собака – вслед, не раздумывая.

Шагнули вперёд и побратимы. Но тут над входом в пещеру мелькнули жутким зелёным светом глазницы вмурованного в каменный козырёк черепа, нехорошо так засветились, словно угрожая... Отчего-то Назар знал, что тот опасен; и, вместе с тем, помнил, что делать: сунул руку в карман, выкрикнул какое-то слово – и мяч, скакнув на этот раз особенно сильно, залепил одну из глазниц. Во вторую парень запустил надкушенным яблоком, оказавшимся в кармане. И попал. Как-то обиженно треснув, череп поехал трещинами и рассыпался прахом.

А у Назара вдруг знакомо закружилась голова. Мир по-

дёрнулся дымкой, поплыл...

... И воссиял солнцем, льющим в оконце кельи.

Святые небеса! Будто и впрямь из подземелья только что выполз, до того глаза ломит!

Проморгавшись, они с Пьером очумело уставились друг на друга.

Судя по солнцу, день был в разгаре. А они, два оболтуса, до сих пор валялись на полу без чувств, сомлев после ритуала братания, словно какие-то неженки.

Да нет, не валялись. Вернее, не на полу...

Чтобы посмотреть на него, друг свесил голову со своего топчана. А он, Назар, лежал на заботливо подстеленном кем-то тюфячке.

И совсем не истекший кровью. Присев и поднеся ладонь к глазам, Назар убедился, что она целёхонька. О братании напоминал лишь едва заметный шрам.

– Я же говорил, – начал он. Хотел сказать, что всё зажило, как на собаке, и осёкся, торопливо оглядываясь. Где кинжал-то?

Драгоценный клинок феи лежал неподалёку, на столике, поверх аккуратно свёрнутого куска синего бархата. Неподалёку исходили ароматом желтобокие яблоки в плетёной корзине, и манил запотевший кувшин. Назар сглотнул. Во рту – будто пустыня Иерихонская, как говаривал наставник, жалясь иногда на жажду.

Кто-то о них позаботился.

Впрочем, забота не отменяет возможного наказания. Как знать, не влетит ли им ещё?

– Ты как? – обернулся он к Пьеру.

Глаза у того до сих пор были шальные.

– Видел? Ты видел? – лихорадочно забормотал он. – Ты понял, куда мы попали?

Назар энергично закивал.

– И тебе это место привиделось? Мы что же...

– Мы её нашли! Мы нашли Мари! Она жива! Это она стояла!

Пьер рванулся было с топчана, но едва не запутался в собственных ногах, внезапно ослабев. Глядя на него, Назар приподнялся осторожно, не торопясь. В голове шумело, время от времени накатывала слабость. Но, похоже, ему было легче. Машинально почесал в затылке.

Он-то хоть мало-мальски уже соображает в этих делах, магических да заумных, как-никак у большого учёного в слухах был, в монастыре да от наставника кое-что узнал. Значит, ему и верховодить.

– Это что же мы с тобой тут сотворили, а? Слышь, побратим, а ведь мы, кажись, не только кровью обменялись. Ты не спеши вскакивать-то. На что-то у нас с тобой силушка ушла; может, на то самое видение, где мы вместе были?

Он помог другу встать, плеснул в кружку воды. Руки почти не дрожали. Преодолея искушение немедленно заглянуть в водную поверхность, вызвать из памяти то, что видел

недавно во сне! Но урок, преподнесённый Туком, даром не прошёл. Вызвать картинку – потратить силы, а он их, похоже, и без того на давешний сон бухнул. Да, именно так. Значит...

– Значит, нам с тобой нужно немного для дела побережиться, – пробормотал, и вонзил зубы в подчерстневший пирожок тётушки Мэг. Второй протянул побратиму, захрустел яблоком. Жрать хотелось невыносимо. – Значит, нужна пища духовная и телесная – это раз... Ты погоди, брат, не рвись незнамо куда, нам окрепнуть надо, а то много не набегает, под землёй-то. Подготовиться – два... У нас, вроде, много чего там с собой было прихвачено, теперь всё это надо раздобыть. А главное – вывести, как в то место попасть. Подземелье какое-то... Откуда оно здесь вообще?

Пьер что-то невнятно буркнул с набитым ртом. Проглотил еду.

– А я о таком слыхал, но думал, что так, брешут люди от скуки...

– Что брешут?

– У нас на кухне по вечерам народ собирался, любил страшные истории рассказывать. Говорят, под Лютецией много таких ходов. Она на известняковых холмах стоит, а известняк легко вырубается. Город-то ещё римляне ставили, сперва крепость, потом дома. В камне большая нужда была. Вот от каменоломен ходы и остались. А когда Лютецию столицей объявили – понаехало сюда господ, и каждый стал

строиться. Камнетёсы ещё больше ходов нарыли. Куда-то туда нас и занесло, точно тебе говорю!

Назар отхлебнул вкусной колодезной воды, задумался.

– У кого бы поспросить? Здесь все люди вроде и простые, а себе на уме, в горстку... Наверняка знают!

– Подумать надо. Масло и фонари возьмём в кладовой, мне разрешено туда ходить, – продолжил Пьер. – Там же чуток съестным разживёмся, авось не объедем монахов-то. Ты, раз со мной идёшь, Туку своему бумажку оставь, чтобы тревогу-то не объявлял; ну, придумай что-нибудь!

– Ага.

Назар с удовольствием поглядел на окрепшие руки. Сейчас ещё десять молитв, сидя в «цветке» – и он будет как новенький! И поесть бы ещё потом... Пожалуй, таким голодным он не чувствовал себя со времён сиротских скитаний в Константинополе.

– А, вот что хотел ещё спросить: что там за клубок перед нами прыгал? – вдруг добавил Пьер. – Твоя работа?

– Клубок? – Назар потёр переносицу, вспоминая мохнатый мячик с торчащими во все стороны нитками. – Ах, клубок...

И завис.

Отмер он минут через пять, не раньше.

– Точно, клубок. – Яростно почесал в затылке. – Ишь ты... Как у Бабки Ёжки, что ли? Путеводный?

Утро порой бывает щедрым на подарки, причём не всегда приятные. Гуляк и кутил оно награждает жесточайшей головной болью и сожалениями о минувшем дне, и уж тем более – ночи; пожилых людей встречает не слишком приятными ощущениями: онемевшим телом, болями в пояснице, да много чем ещё... И только молоденькие девушки и юноши долго сохраняют эту удивительную способность – радоваться каждому восходу, словно первому, долгожданному и единственному, и напрочь забывают о неприятностях дня минувшего. Для них он канул в Лету, во тьму, вместе с растаявшей ночью.

Может, так и надо?

Впрочем, Ирис не любила философствовать, во всяком случае – с утра. Верная своей привычке, она чуть свет была уже в саду, помогла проснуться захиревшим от долгого невнимания лилиям, похвалила пионы за пышность цветения, подтолкнула к росту приунывшую поросль розмарина и базилика. А ещё раньше наведалась на чердак, ибо вчера, проходя с инспекцией по убраннным комнатам, туда заглянуть забыла. А вот теперь оценила по достоинству исполнительность и прилежание слуг из дома де Камилле: маленькое помещение под крышей они вычистили до блеска, старый хлам отсортировали и снесли в угол, прикрыв рогожами, а

несколько круглых окошек отмыли до невидимости стекла. И уже ничто не мешало оценить по достоинству превосходный вид на солнце, восходящее над столичными шпилями и башнями, кровлями и флюгерами.

Сейчас, с одобрением оглядывая посыпанную свежим песком садовую дорожку, Ирис вновь вспомнила о вчерашних расторопных работниках, а заодно и об их господине. И смешалась. Как ей теперь к нему относиться?

За каждым знаком внимания, за очередным вежливым словом, сказанным, возможно, безо всякого подтекста или задней мысли ей теперь будет чудиться одно и то же: стремление очаровать её, увлечь и... связать замужеством. Каким бы нейтральным не было прежнее отношение к Филиппу, никуда не деться от знания горькой истины: ему приказали на ней жениться. И он согласился. Да, раскаялся, да передумал. Но попыток её обаять не оставит, ибо...

Ей вдруг стало жарко.

Ибо хочет стать достойным? Так, кажется, он сам выразился?

Означает ли это, что и впрямь его чувства сильны настолько, что он осмелился спорить с королём?

Нет, не может быть. Филипп де Камилле настолько человек долга... Он прямо-таки пропитан верностью и честью, представить его бунтовщиком невозможно. И всё же...

Вспыхнув до кончиков ушей, она, чтобы скрыть от самой себя смущение, нагнулась и принялась яростно обры-

вать крошечные макушки мяты – для утреннего чая. Ах, на что он ей сдался, этот граф! Она ещё с Джафаром не разобралась, а после разговора с матушкой-настоятельницей всё перемешалось в голове. Какой-то был во всём сказанном аббатисой, намёк, желание что-то приоткрыть... Зажатые в тёплой горсти, листочки пачкали ладонь соком и одуряюще резко пахли. Но Ирис о них уже забыла. Как ей во всём разобраться?

Она пришла к единственному, пожалуй, правильному выводу: вместо того, чтобы гадать, права или нет – нужно встречаться. Разговаривать. Узнавать этих мужчин больше. И слушать, слушать свой внутренний голос! Он плохого не подскажет.

Ирис вдруг вспомнила незрячую Наннет, для которой недавно составила целебные глазные капли. На душе потеплело. Как бы то ни было – Филипп добрый человек. Конечно, он давно вырос, годами не бывал на родине, а потому не удивительно, что забыл о кормилице, ведь мужчины не сентиментальны. Однако вспомнил ведь, призвал, отправил лечиться...

Чаша весов маленькой Немезиды существенно прогнулась под весом большого доброго дела, перевесив и снобизм графа, заметно поубавившийся в последнее время, и его напускное равнодушие.

Но первую чашу вновь перетянуло чувство долга, возведённое в крайнюю степень.

А в противовес ему — поиски и спасение друга, Огюста Бомарше...

Нянюшка Мэг озадаченно посматривала из окна кухни на свою голубку, застывшую с прикрытыми глазами возле грядки с травами. Сложив ладони чашечками, она то приподнимала одну, опуская другую, то меняла руки. И такое сосредоточенное выражение застыло на её личике, будто рыжая феечка никак не могла решить чрезвычайно важную задачу.

Шёпотом Мэг попросила кухарку греметь посудой потише: чтобы не мешала молодой хозяйке.

...А тем временем их ночная гостья, о которой думали, что она спокойно поживает, поглядывала из тростников за парочкой, уединившейся в лодке посреди паркового пруда. Она вся превратилась в слух. Потому что в челноке неподалеку сидел на вёслах, несмотря на ранний час, сам Его Величество Генрих. А напротив него, на простой деревянной скамейке, не покрытой даже ковриком или циновкой, внимала скупым речам рыжеволосая красавица, одетая хоть и неброско, но очень, очень дорого... Судя по блаженной улыбке, которую Аннет с удовольствием стёрла бы с этого хорошенького личика, ещё не набелённого, она просто млела от речей короля.

Охраны с ними не было. На противоположном от маркизы берегу мелькали в кустах перья на шлемах; но беседа этих двоих была приватной.

Сердце Аннет истекало кровью.

Ах, зачем, зачем она попросила Армана доставить её в Лувр? В какой-то безумной надежде, что все недоразумения между ней и Генрихом, наконец, утрясутся, улягутся сами собой, и найдётся вдруг выход из тупика, в который загнали их обязательства, она не остановилась даже перед тем, чтобы вызвать Анри на доверительный разговор. И вот сейчас поджидала его в парке. Но вместо того, чтобы откликнуться на приглашение, отправленное со Старым Герцогом, и быстрее ветра помчаться к любимой женщине, этот венценосный негодяй отправился на встречу с какой-то... рыжей кикиморой!

И теперь он говорит ей о чём-то серьёзно, и ветер сносит слова, но и без того всё ясно, потому что эти двое подаются навстречу друг другу, и их губы смыкаются. Вёсла бессильно висят в уключинах, лодку кружит, кружит на месте, пока эти двое не могут оторваться от своего мерзкого занятия...

Злые слёзы кипели на щеках Аннет.

Не сдержавшись, она всхлипнула. Попятилась. Осторожно выбралась с сухой прогалины на прочную садовую тропу. Насухо вытерла щеки. Никто и никогда не увидит, как она страдает.

Прочь.

– Сударыня! – услышала за спиной и стремительно развернулась. Он! Неужели всё-таки пришёл? И не смогла сдержать разочарования.

– А-а, это вы, мастер Жан! Простите, мне надо идти.

– Погодите...

Он приблизился вплотную. Глянул испытующе.

– Есть такое понятие, как долг государя перед отечеством...

– Ах, оставьте!

В груди Аннет задрожала какая-то струнка, но усилием воли женщина подавила её.

– Оставьте эти громкие слова, мастер Жан. Как верная подданная Его Величества, я отношусь с пониманием и одобрением ко всем его действиям. Так и передайте. Вместе с моими заверениями в величайшем уважении и почтительности.

И даже присела в придворном реверансе. В конце концов, двойник короля заслуживал не меньшего, а порой и большего уважения, ибо в последнее время Генрих, как щитом, прикрывался им от наиболее неприятных дел.

Аннет уже собиралась уйти с гордо понятой головой, когда мимо неё промелькнуло нечто светлое и пушистое. Белоснежный разноглазый котёнок прошмыгнул у её ног, повис на штанине мастера Жана и ловко вскарабкался по боковине камзола на плечо. Уставился на пришлицу голубым и жёлтым глазами.

Бывший кузнец мягко усмехнулся.

– Хотите погладить, Аннет? Говорят, разноглазые коты приманивают удачу.

– Да у меня её столько! – криво усмехнулась маркиза. –

Просто девать некуда эту удачу.

Но, не устояв, погладила котёныша по пушистой спинке. И замерла, когда большая теплая ладонь накрыла её руку.

– Терпение и время поставят всё на места, поверьте, дорогая.

На миг ей показалось... Но нет: шрам над бровью от окарины, бородака совсем без проседи, а главное – та самая рука, что лежала сейчас поверх её пальцев, загорелая, с небрежно обрубленными ногтями вместо холёных Генриховских – явно подтверждали, что перед ней всё же двойник.

– Я знаю Жан. Мне не впервой терпеть, – просто ответила она. – И... спасибо.

Она больше не оборачивалась. Шла по дорожке к месту условленной встречи с Арманом, и с каждым шагом впечатывала в песок оказавшиеся пустыми надежды. Вот так. Ходить надо по земле, а не в облаках.

Бывший кузнец печально смотрел ей вслед... и перекатывал между пальцами небольшой сапфирит на цепочке. Без этого корректора внешности, что слегка менял его физиономию, делая не слишком похожим на себя самого, он не рискнул появиться перед Аннет.

* * *

И угораздило же Филиппа де Камилле попасть на этот дурацкий дружеский обед!

Впрочем, отказываться от приглашения было неудобно. Как-никак, с маркизом де Питюи они приятельствовали с детства, да и в юности порой участвовали в определённого вида забавах – правда, граф более в качестве сопровождающего, поскольку общество доступных девиц, как светских, так и полусвета, оставляло его равнодушным. Но, наблюдая за чужими ошибками, он делал выводы и не допускал ошибок собственных. Учился жизни без особых потерь для себя самого. Познавал её уроки на сторонних примерах. Так, приятной неожиданностью стало, что тот же маркиз, в оную пору ещё виконт, оказался бесшабашен и отважен не только при атаке неподдающихся предметов страсти, но и в боевых сражениях, а при очередной осаде Ла-Рошели спланировал и удачно провёл штурм, первым оказавшись на стенах оной цитадели.

Да и при дворе маркиз повёл себя достаточно умно. Немногие знали, что под маской истинного эпикурейца, вечно праздного ловца развлечений скрывались тонкий ум и наблюдательность, а также сердце, не чуждое состраданию. Именно он однажды подтолкнул Филиппа к дипломатической стезе, соблазнив тем, что пребывание вдали от вероломной Анжелики, к тому времени вторично выскочившей замуж, и погружение в тонкости интриг и государственных переговоров прекрасно отвлечёт друга от сожалений и пустых вздохов.

И потому, получив дня два назад приглашение на «маль-

чишник» перед женитьбой, Филипп не смог отказаться. А теперь, рассеянно покручивая в руке фужер тончайшего хрусталя, подумывал, как бы ему незаметно удалиться с этой, в сущности, заурядной попойки.

Трудность состояла в том, что, несмотря на вечные толпы прихлебателей, окружавших его приятеля, гостей на нынешнем сборище оказалось не так густо, и улизнуть незаметным не представлялось возможности. «Много званых, но мало избранных», – туманно выразился по этому поводу сам хозяин. Впрочем, само по себе, это характеризовало его вполне положительно, как мужчину, созревшего, наконец, для брачных уз, и расстающегося со свободной жизнью, хоть и шутя, но осмысленно, а потому – желающего видеть на последнем холостяцком пиршестве не пьяные морды любителей дармовой выпивки, а скучные благообразные физиономии таких же серьёзных мужей, чьи ряды с этого дня он намеревался пополнить. Из дюжины гостей десять оказались уже женаты; впрочем, большинству из них брачные обеты не мешали проявлять чудеса обольщения в отношении чужих жён, представляя, справедливости ради, свободу жёнам собственным... И, вслушиваясь в их разговоры, в обсуждение очередных интрижек, граф де Камилле задавался вопросом: а что он вообще здесь делает?

Свободных брачных отношений он не понимал.

Как, впрочем, и измен, оправданных не честным желанием развлечься и сорвать цветок удовольствия, а «любовной

страстью». В юности отец внушал Филиппу, что так называемая «любовь» – удел простолюдинов, либо личностей ненадёжных, способных к измене и предательству. Пороки эти, вместо того, чтобы осуждаться обществом, ещё и воспеваются в балладах и легендах. А ведь, собственно, что сотворили те же пресловутые Тристан и Изольда? Рыцарь – изменил своему сюзерену. Дева предала будущего мужа и господина. Как ни странно, лишь служанка оказалась верна долгу, решив, раз уж это по её недосмотру любовное зелье, предназначенное королю, досталось Тристану – то ей и отвечать. А потому безропотно принесла свою девственность в жертву, взойдя на ложе вместо госпожи.

И королева Гвиневра, бессовестно обманувшая мужа, и сэр Ланселот – разве они не клятвопреступники? Не изменники? Но нет, толпа оправдывает их, делая какими-то мучениками. А всё – под воздействием каких-то пошлых сказочек о «любви»!

И спокойный рассудительный Филипп, хладному уму которого были чужды взрывные эмоции, не то, что какие-то страсти – долго этому верил. Пока однажды не понял, какую, в сущности, лживую и никчёмную жизнь прожил его отец, старающийся, с соблюдением приличий, брать от этого мира всё, и не оставивший после себя даже доброй памяти.

Становиться его подобием не хотелось.

Вздохнув, он пригубил вина и, принуждённо улыбнувшись, отсалютовал на тост де Келюса, также оказавшегося

на нынешнем сборище. Вот ещё один прожигатель жизни... едва не угробивший её из-за дурацкой дуэли после язвительных слов любовника жены, д'Эпернона, о том, что супруга графа «более красива, нежели добродетельна». А ведь, в сущности, так оно и есть. Но, согласно условностям, муж обязан был оскорбиться и вызвать дерзкого словоблуда на поединок. Что он и сделал. А потом едва выкарабкался из объятий другой любовницы, костлявой и в саване. И всё из-за какой-то распутной бабёнки, с которой понятие «честь», собственно, давно уже несовместимо...

А ведь рано или поздно Филиппу тоже придётся жениться.

И... лучше, если его женой согласится стать чистая и непорочная Ирис. Неважно, знала она мужа как мужчину, или всё же нет – для него она всегда останется чистой и непорочной, ибо такова её светлая душа. Он же их браком оградит её от участи заполучить распутного мужа из числа светских ветреников, который наверняка поторопится ознакомить её с прелестями «свободного брака», распространённого в обществе. И ведь половина знатных девиц, выходящих замуж, знает о таком будущем, но оно их вполне устраивает. Оставшаяся половина либо смиряется с печальной действительностью, либо... охотно перенимает новые правила.

Чистая душа Ирис Рыжекудрой не должна страдать от подобной лжи.

– Гос-спода...

Изрядно накаченный добрым анжуйским, встал со своего места барон Лотрек. Пирушка проходила в излюбленном кабачке маркиза – «У галльского петуха», славящегося прекрасной кухней для благородных господ и чистенькими улыбающимися девушками-подавальщицами, строгих, впрочем, нравов. Вин, и превосходных, здесь хватало, в отличие от развлечений.

– А не поехать ли нам к красотке Сью, а? Питюи, старина, рвать с прошлым – так рвать, для этого надо с ним безза... безжалостно расправиться, а? Правильно я говорю? Гульнём напоследок! По крайней мере, напоследок с тобой-неженатым, а?

– Тем более, Сью уже три дня как выставляет сюрприз, – хмыкнул один из гостей, чьё имя для Филиппа так и оставалось неизвестным. – Кто-нибудь слышал о её находке, рыжей Шлюхе в никабе?

Рука графа де Камилле дрогнула, едва не расплескав вино. Надвинулось ощущение чего-то грозного и... безнадёжного.

– Шлюха в никабе! Как же! – подхватил с другого конца стола приглашённый за компанию поэт-весельчак. – Прелестное создание, господа! Рыжекудрая, как апельсин...

Филипп болезненно поморщился.

– ...Жаркая, как пороховая бочка! А уж какая затейница! Но дорогая, сучка... Не мне к ней ходить. – Фыркнув, вечно нищий виршеплёт махнул рукой. – Зато настоящая муза для

стишков особого толка, вы меня понимаете, господа?

– О, да, говорят, искусница! – подхватил ещё кто-то.

– Да что вы заладили: говорят, говорят...

Барон Лотрек, покачнувшись, рухнул на стул, крикнувший под его тяжестью.

– Я с ней был дважды, господа! Да, признаюсь, после двух часов удовольствия я почти разорён: но оно того стоило! Эти жаркие восточные штучки уморят даже Приапа, будь он неладен. А эти игрища, сводящие с ума! И похабные приёмы, и чёрт знает что...

– Расскажите, расскажите, барон! – слышалось со всех сторон.

Де Камилле в раздражении пристукнул фужером по столешнице, едва не расколов хрупкое стекло.

– Господа, я понимаю, что у нас, так сказать, почти холостяцкая вечеринка. Но место ли на ней всяким непристойностям?

– А почему нет?

Де Питюи вытаращил глаза.

– Дружище, а когда же ещё смаковать подобные вещи, как не перед свадьбой? А-а... – Он понимающе откинулся на спинку стула. – Тебя задело за живое... Господа, я же совсем забыл, что у нашего де Камилле есть особое поручение: он опекает некую восточную птичку, залетевшую в столицу, и, разумеется, невольные аналогии, так сказать... Аллюзии...

Неожиданно по столу грохнул тяжёлый кулак.

– Какие, к чёрту, аллюзии, Франц! – абсолютно трезво рявкнул граф де Келюс. – Неужели вам, идиотам, не ясно, что это чистейшей воды попытка бросить тень на известную всем нам даму? Возвести поклёп, опорочить! А вы, как верные слугители плоти, уже схватили кость и грызёте!

Раздались недружные смешки. Однако несколько мужчин, оставшись серьёзными, закивали.

Пьяненький поэт захохотал.

– Граф, а вы метите на моё место! Эх вы выразились однако, прямо как слугители муз, насчёт кости-то... Но не хватает у вас воображенья, хоть тресни. А я вам говорю, что это она самая и есть, прелестная Рыжекудрая И...

И захлебнулся вином, щедро выплеснутым в лицо.

– Заткни свою лживую пасть, ублюдок, – отчётливо сказал де Келюс. – И имей в виду: шпагу об тебя марать не стану, ты не дворянин. Просто пристрелю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.